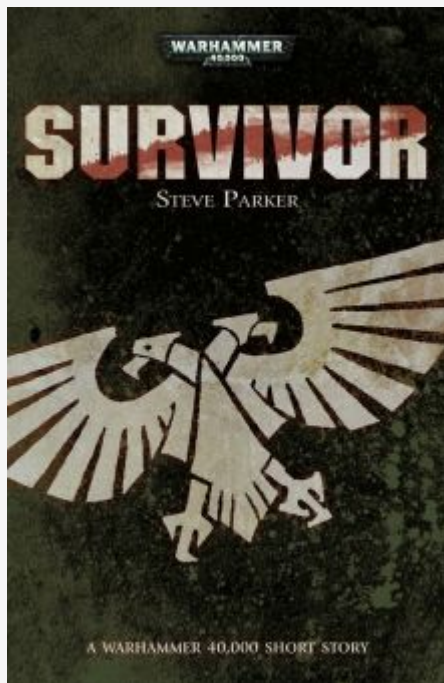

Выживающий / Survivor (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Выживающий / Survivor (рассказ)

Автор	Стив Паркер / Steve Parker
Переводчик	BaronSamedy
Издательство	Black Library
Входит в сборник	There is Only War
Источник	Hammer and Bolter #9
Год издания	2011
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Бас вскочил и помчался во весь дух, прежде чем даже осознал, почему. Часть мозга отреагировала в тот же момент, когда раздался крик, потом задвигались ноги и застучали по пыльным улочкам, когда он понёсся подальше от преследователей.

Первое правило было простым – не дать себя заметить. С тех пор как пришли чудовища, он нарушил его всего лишь несколько раз, и никогда по своей воле. На этот раз, как и раньше, это случилось не из-за неуклюжести. И не из-за беззаботности. Просто не повезло, тупо и откровенно. Бас принял все обычные

меры предосторожности. Крался в тених. Двигался быстро и тихо. Был терпеливым, тихим и постоянно начеку. Но преследующие его сейчас чудища, радостно твякающие и чирикающие от предвкушения кровопролития, пришли снизу. Они появились из канализационной решётки всего в нескольких метрах позади, и ежедневный поиск чистой воды внезапно забылся из-за гораздо более насущной нужды.

Пули щёлкали об стены по обе стороны улочки, выбивая облачка пыли и каменной крошки. Некоторые едва не оборвали его жизнь, пройдя достаточно близко, чтобы задеть затвердевшие от грязи волосы. Это придало Басу сил ещё скорости, ещё адреналина, чтобы заглушить боль в ноющих суставах и мускулах.

Впереди, прямо над головой мальчик заметил искорёженные остатки пожарной лестницы и понёсся к ней. Верх – его территория. За месяцы, прошедшие со времён прихода монстров, Бас потратил много часов, укладывая доски и досточки между тем, что осталось от городских крыш. Наверху мальчик имел преимущество – шёл куда вздумается и видел всё. Крупные твари никогда туда не ходили, а мелкие не знали местность так, как он. Верх был его – контролируй то, что тебя окружает, и всегда будешь на шаг впереди.

Гнутые металлические ступеньки тряслись и стонали, когда Бас прогрохотал по ним вверх. Сердце стучало в ушах, голова пульсировала от усилившегося притока крови. Он рискнул взглянуть вниз и увидел своих преследователей – четыре тощие зелёные фигуры с красными глазами и игольно-острыми зубами. Они добрались до низа пожарной лестницы, запрыгнули на неё и полезли вслед за мальчиком.

Бас продолжил карабкаться, и ещё через несколько секунд был на крыше. За долю секунды он прикинул, где находится. Это был юго-западный квартал городка, и здесь у него было несколько укрытий, два из которых совсем рядом. Но мальчик не мог рисковать, не мог привести врагов в одно из своих убежищ. Сначала нужно от них оторваться. Можно было направиться на север по самодельным мостикам, уложенным недели назад, или на восток, где между домами можно было перепрыгнуть.

Тогда на север. Чудовища могли прыгать не хуже его. Идти на восток – просто испытывать судьбу.

Он промчался по крыше, избегая зияющих дыр, оставленных артиллерийским обстрелом чужаков. И был уже на противоположном краю крыши, когда первый из жилистых зелёных убийц взобрался на верхушку пожарной лестницы и продолжил палить, не целясь. Остальные появились позади и, видя безрезультатность стрельбы, рванули вперёд.

Смотреть вперёд, сказал себе Бас, делая первый торопливый шаг по сдвоенным доскам, и не смотреть вниз.

Расстояние между зданиями было метров пять. И когда мальчик подошёл к середине, деревяшка прогнулась. Но он знал, что доска выдержит – проверил её на прочность, прежде чем положить.

Пара пуль просвистела у него над головой. Он почти пробежал последние несколько шагов и под конец прыгнул. Сзади преследователи были на середине предыдущей крыши.

Бас повернулся к ним. Учитывая дрянные, с толстыми стволами пистолеты врагов, времени вытягивать доски, как он хотел, уже не было. Вместо этого мальчик просто пнул их и смотрел, как они падают, куврякаясь, в тёмный переулок внизу.

Преследователи начали выть и плевать от ярости. Один, наверное более безрассудный или кровожадный, не смирился с поражением. Добежал до края крыши и прыгнул вперёд. Бас уже бежал к следующей крыше. Он не видел, как существо полетело вниз, прямо к своей смерти, но слышал леденящий вопль. Вскоре охотники остались далеко позади, лишь в ушах звенели их чуждые крики.

разочарования и гнева.

Он умирал.

Наверное. Может быть. Точно уверен не был. Басу было всего лишь десять, и все смерти, что он видел в своей короткой жизни, были грязными и насильственными – и случились в последние несколько месяцев.

Это было иначе. Выпадение коренных зубов. Резь в кишках, после того, (что, впрочем, происходило всё реже), как съешь что-нибудь твёрдое. Кровь в мокроте, когда сплёвывал, и в отходах, когда ходил в туалет. Пульсирующая головная боль появлялась и исчезала, как и судороги, что временами сводили ослабевшие мышцы.

После бегства по крышам все эти симптомы появились одновременно. Мальчик сопротивлялся, пока не достиг относительной безопасности. Потом лёг, и боль навалилась на него подобно обвалу.

Если бы Бас знал побольше, то распознал бы признаки обезвоживания и истощения. Когда собранные по помойкам припасы начали истощаться, он был вынужден растянуть их ещё. Но Бас не знал. И мог лишь догадываться.

Сколько он так уже жил? Месяцы? Похоже на то. Какое сейчас число? Не было уверенности ни в чём. Время для Баса измерялось не часами и минутами, а периодами бегства и скрытности, света, мучительного сна и ежедневного выживания на лезвии ножа. Он чувствовал себя, как последний грызун в башне, полной изголодавшихся кошачьих.

Если эта зелёная мерзость когда-нибудь его поймает, то конец не заставит себя ждать. Он будет ужасным и болезненным, но быстрым. Во всяком случае, быстрее, чем смерть от болезни или голода. Мальчик задумался, а было ли медленное и тихое умирание чем-то лучше. И что-то инстинктивно заставило его уйти от подобных мыслей, прежде чем в голове оформился ответ. Сейчас Бас был жив, и здесь, в одном из своих укрытий, он был в безопасности.

И упрекнул себя. Нет, не в безопасности. И никогда не был.

Мальчик услышал голос старика, отчитывающий его из глубин памяти, пронзительный и резкий, как ружейный выстрел.

Безопасность – всего лишь иллюзия, пацан. Никогда не забывай об этом.

Да, иллюзия. Как же Бас мог забыть? Эти слова вбивали в него, пока он не научился спать вполглаза и просыпаться в готовности, которой бы позавидовал любой гвардеец с передовой. Когда мальчик ещё жил в доме старика, то, если он не просыпался по-хорошему и не вставал навтыжку через три секунды после первой же команды, тяжёлая трость свистела в воздухе и будила его по-плохому. Сейчас же, если удар настигнет Баса во сне, то это будет уже не урок. Это будет укус клинка зеленокожего, и сон его станет вечным.

Конечно, капканы и ловушки не будут защищать его вечно. Однажды, и может даже скоро, один из дикарей преодолеет их все. Это будет не один из клыкастых громил. Бас всегда тщательно выбирал место для сна в маленьких, узких местах, куда они бы не пролезли. Но тощие, с крючковатым носом могли проскользнуть повсюду. И они были злыми убийцами, ликующими от кровопролития. Мальчик доверял своей обороне так же, как и себе, и тщательно выискивал возможные недостатки. Он трижды проверял каждый вход, прежде чем позволить себе сомкнуть глаза. Только уже своим существованием

ловушки спасли его больше дюжины раз. Старый негодяй муштровал Баса нещадно, и за это мальчик его не выносил. Но сейчас эти, выученные большой ценой и ненавидимые, уроки стали тонкой гранью между жизнью и смертью. Именно благодаря им один десятилетний мальчик выжил в развалинах гниющего городка, где восемнадцать тысяч имперских граждан погибли, крича и взывая к Императору о спасении.

Бас выжил, и одно это было плевком в глаза зеленокожему кошмару.

Он никогда не благодарил старика. Было мгновение, когда они должны были расстаться навеки, и Бас уже был готов произнести тёплые слова, но воспоминания об ушибах, порезах и треснувших костях были тогда слишком сильны. И язык не повернулся. Мгновение ушло, чтобы никогда не повториться, а теперь старик был уже определённо мёртв. Как бы то ни было, Бас надеялся, что душа старого сукина сына находит хоть какое-то удовлетворение в том, что его внук выжил.

Сейчас было время отдохнуть. Он нуждался в этом больше, чем когда-либо. Снаружи была тёмная ночь. Ветер свистел в оставленных снарядами воронках, от которых рябились стены этой четырёхэтажной многоквартирки. Сильный холодный дождь барабанил по остаткам обваливающейся крыши и разбитым чердачным окнам наверху.

Хорошо, подумал Бас. Сегодня зеленокожие не будут бродить снаружи. Когда льёт как из ведра, они предпочитают оставаться у своих костров и еды.

При мысли о еде в животе заурчало, протестуя против долгих часов пустоты, но мальчик не мог сегодня позволить себе ещё раз поесть. Завтра, что-нибудь из консервов, может быть мясо грокса. Ему крайне были нужны протеины.

Забившись вглубь, у задней стенки перекошенной металлической вытяжки, мальчик натянул грязную оборванную простыню на голову, закрыл глаза и позволил хрупкому, временному спокойствию объять себя.

Когда Басу было всего лишь семь, родители погибли, и то, что ему об этом рассказали, было ложью. Новости принесли два чиновника. Дворецкий отца, Геддиан Арнауст, спросил о деталях, и пришедшие обменялись неловкими взглядами. Тот, что повыше, сказал что-то о взрыве бомбы в летнем особняке планетного губернатора – атака представителей антиимперского культа. Но Бас узнавал полуправду, когда её слышал. Что бы ни случилось на самом деле, мрачная, одетая в тёмную униформу пара в фойе особняка больше ничего не сказала. И правды он так и не узнал.

Но, тем не менее, чиновники сказали, что благородный Администратум во благо Империи Человека и самого всемогущего Бога-Императора реквизирует особняк Ваарденов со всеми сопутствующими объектами. Война бушует по всему сегменту. Для новых войск нужны деньги. В этом вопросе Имперский закон был непреклонен. Высокий служащий уверил Арнауста, что обслуживающий персонал не тронут. Новый обитатель – работник Администратума и племянник губернатора, не меньше – воспользуется их услугами.

- Что будет с молодым хозяином? – спросил Арнауст, лишь слегка озадаченный, и то не судьбой мальчика, а скорее просто желанием отделаться от неожиданных забот. Дворецкий никогда не проявлял особого внимания к сыну своего хозяина.

- Дед по материнской линии, – сказал чиновник слева. – Согласно записям, последний живой

родственник. На востоке, в улье Новый Каэдон. Мальчика отправят к нему.

- В полдень туда пойдёт грузовой поезд, перевозящий рабов, - сказал тот, что повыше. - Двадцатичетырёхчасовая поездка. Без остановок.

Арнауэст кивнул и спросил, как скоро мальчик может отправляться.

- Мы доставим его в терминал Хевас сразу, как только он будет готов, - сказал низкорослый служащий. - Мальчик может взять одну сумку, достаточную, чтобы вместить смену одежды. Всё остальное, что ему понадобится, предоставит ему дед.

Всё оказалось так просто. Вот Бас - сын состоятельного инвестора, имеющего вложения в добывающую промышленность на дюжине богатых ископаемыми лун, а вот он семилетний сирота, втиснутый в самое маленькое и самое грязное купе ржавеющего вагона. И вместо подушки - сумка с одеждой, а попутчики - появляющиеся и исчезающие вши кремового цвета.

Ну хотя бы мальчик ехал отдельно от остальных. Среди рабов, скованных вместе в большем купе, было несколько сгорбленных и хмурых., которые очень необычно смотрели на Баса, когда тот поднимался по рампе. Их хищные взгляды, хоть и непонятные для кого-то столь невинного, всё ж пробрали Баса до мозга костей.

Отец с матерью исчезли, а его внезапно выдернули из безопасности и постоянства предоставляемых ими достатка и комфорта. Свернувшись в мрачном, размером не больше чулана месте, Бас непрерывно плакал, его тело содрогалось от рыданий, пока усталость не взяла верх. Наконец уснув, он даже не почувствовал, как вши ползают по рукам и ногам, чтоб поесть. А когда проснулся, то весь был покрыт саднящими, чешущимися следами укусов. Бас тогда отомстил первый раз в жизни. Он раздавил всех жирных, напившихся крови вшей, которых только нашёл. Это не заняло много времени, но удовлетворения от наказания их продлилось гораздо дольше. А когда радость от мести наконец утихла, мальчик свернулся в клубок и снова зарыдал.

Крик вырвал Баса из моментально забытого сна, и он сразу проснулся, отбросив грязную простыню, перекатился и полуприсел. Пальцы сжались на рукояти ножа, висящего на верёвке у талии. Крик раздался вновь. Не человеческий. И близко.

Ловушки в зале. Одна из них!

Бас прокрался к отверстию вытяжки. Там он остановился на дюжину оглушающих ударов сердца, пока изучал комнату внизу.

Движения нет. Хвала Трону, так далеко они ещё не забрались.

Мальчик спрыгнул вниз. Припав к полу, он рванул к двери в дальней стене. За грязными окнами слева небо было пасмурное, тускло-зелёного цвета. Утро. Скоро взойдёт солнце, хотя его и не будет видно. Дождь прекратился, но тяжёлые, плотные облака никуда не делись.

Бас остановился у единственной двери комнаты ровно настолько, чтобы обезвредить ловушку с подвешенным шипом над ней. Он вытянулся на пятках, чтобы поставить простую предохранительную защёлку на место. Затем тихо и осторожно открыл дверь и, широко раскрыв глаза, чтобы видеть в жидкой темноте коридора, всмотрелся.

И хныкающий звук привёл его взгляд к незваному гостю. Там, едва видимый среди груд упавшего вечнобетона и разбитого стекла, усеявших пол, был один из них, отличимый от обломков только по издаваемым звукам и испуганному царапанью длинными пальцами в попытках избавиться от проволоки, врезавшейся в плоть.

Бас чувствовал кровь в пыльном воздухе – солёную и с металлическим запахом, как и человеческая, но с сильным привкусом чего-то другого, отдающего плесенью.

Он ещё раз проверил тени перед попавшимся, ища движение. Если тварь была не одна, то нужно бежать. Боёв лицом к лицу быть не может. Хотя Бас и ценил это маленькое убежище, созданное с таким трудом, он не был настолько глуп, чтобы умереть за него. Другие укрытия мальчик бросал и за меньшее.

Хотя Бас и превосходил большинство крюконосых в размере, физически они были сильнее. Ужасные создания были гораздо мощнее, чем казались. Их длинные сильные руки и рты, наполненные острыми зубами, делали тварей смертоносными. Даже настолько запутавшийся в его ловушке с острой проволокой монстр мог убить мальчика, если тот будет неосторожен.

Но Бас не протянул бы столько, будь он неосторожен.

Голос старика вновь раздался в него в уме.

Не оступись, пацан. Тот, кто хочет выжить, учитывает мелочи. Всегда.

Бас действовал быстро, удовлетворённый тем, что тварь была одна. Он рванул, тихий и незаметный, как всегда, от двери, и приблизился к своей трепыхающейся добыче. Прежде чем чужак заподозрил о его присутствии, мальчик был рядом, злобно пиная его в лицо. Кости треснули. Сломались зубы. Злобная бесформенная голова вновь и вновь ударялась о каменный пол. Когда Бас оглушил существо, то сел сверху, достал нож и приставил длинный клинок выше грудины. Затем, вцепившись обеими руками в оружие, надавил со всей силы. Тело чудища забилося под ним. Оно начало биться и дёргаться, но Бас зажал костлявый торс коленями. Затем, загнав нож по рукоять, он начал раскачивать нож взад-вперёд, рассекая сердце твари пополам.

Тяжёлый хрипящий вдох. Влажное бульканье. Последний неистовый толчок, и существо обмякло.

Бас перевернул тело, оставив нож в груди. Достать его сейчас – только лишняя кровь, а этого хотелось бы избежать насколько возможно. Мальчик лежал в полумраке, переводил дыхание и следил за руками – когда же они перестанут дрожать.

Не бойся, сказал он себе. Ничего нового. Мы это уже проходили.

Из прошлого вновь раздался скрипучий голос.

Адреналин твой союзник, пацан. Не принимай его за страх. Это не одно и то же.

Дрожь прекратилась гораздо быстрее, чем после его первого убийства. Но Бас по опыту уже знал, что вскоре предстоит тяжёлая работа. О теле нужно позаботиться. Если другие дикари учуют кровь – а они всегда её чуют – то придут. Надо передвинуть труп.

Прошипев проклятье, мальчик пнул тварь прямо в гадкое мёртвое лицо.

Бродить снаружи днём было постоянной игрой со смертью, тем более с подобной ношей, но Бас знал, что он всё ещё может спасти драгоценное укрытие от обнаружения, если будет действовать быстро. Чем

больше времени он даст зеленокожим, чтоб проснуться, тем в большей опасности окажется.

С хрипом мальчик заставил своё болящее, измождённое тело встать на ноги и занялся мрачной, внушающей ужас работой.

Грузовой поезд заскрежетал и медленно остановился на следующий день после отправления, в полдень. При торможении железные стены крошечной каморки Баса так тряслись, что он был уверен, что поезд развалится. Вместо этого после того, что казалось вечностью, скрежет металла о металл прекратился и состав, дёрнувшись последний раз, остановился.

Бас, неготовый к этому, закричал и врезался в стену, зашибив голову. Он сел, потирая ушибленное место, и попытался сдержать слёзы.

Неряшливый подросток в оранжевом комбинезоне грузчика пришёл за ним спустя несколько минут после остановки двигателей массивного транспорта.

- Станция Арко, - прохрипел он через дым тлеющей палочки лху. - Те выходить здесь, червяк. Руки в ноги и пошёл отсюда.

Бас встал на трясущиеся ноги, поднял сумку и пошёл за юным грузчиком и оставляемым им следом из жёлтого удушливого дыма к ближайшей рампе. И лишь робко спросил, когда шли:

- Почему ты назвал меня червяком?

Бас даже не обиделся. Он не привык к оскорблениям - в его жизни просто не было для них места. Мальчик просто не понимал. До этого ему никогда не давали прозвищ. Он всегда был молодым хозяином.

Грузчик фыркнул. И через левое плечо сказал:

- Глянь на себя, червяк. Мелкий, бледный и жирный. Мягкий и извивающийся. На тебе так и написано, что богатенький. Я слышал о тебе. Поделом тебе, и всем таким как ты. Заслужил всё, что с тобой случилось.

Бас этого не понимал. Он не был богат - богатым был отец. И ничего не сделал плохого. Внезапно снова выступили слёзы и сдавило горло. Грузчик ненавидит его, осознал мальчик. Почему? Что Бас ему сделал плохого? Прежде чем он успел спросить, они уже дошли до пассажирской сходни по левому борту поезда. Грузчик шагнул вбок и толкнул Баса вперёд. После темноты внутренностей громадного поезда свет снаружи был ослепительно ярким. И резко ударил по глазам. Солнце сияло, а небо было настолько голубым, что казалось, будто оно волнуется как море.

Пока глаза привыкали, он смотрел украдкой в низ длинной рампы, переходящей в рокритовую ширь погрузочной платформы. За ней, вдалеке на севере, возвышались сияющие стальные башни большого города, мерцающие в дымке.

Улей Новый Каэдон.

Новый дом, несомненно. Один из клерков упомянул это название. Отсюда город выглядел чудесно. Бас прочёл об огромных городах-ульях Империи в одном из отцовских справочников. Улицы, изобилующие разными людьми, которые работают и живут вместе, сплочённо, питая замечательный механизм -

Империи Человека. Несмотря на страх, мальчик почувствовал жгучее волнение. На что же это будет похоже – жить в этом месте, так сильно не похожем на тихое уединение особняка? Для каких великих свершений он явился сюда?

Законтрактованные рабочие и безмозглые сервиторы уже выгружали ящики из других вагонов на раскалённую от солнца платформу. Вооружённые люди с лицами, скрытыми чёрными визорами, пинками и ударами выстраивали новоприбывших рабов в колонны. Кто-то, скрытый от Баса рядами рабов, лающим голосом выкрикивал список правил, нарушение которых повлечёт за собой ужасное телесное наказание.

– Давай, топай вперёд, – злобно сказал грузчик позади Баса. – Займись своими делами, червяк. Кое-кто уже тебя поджидает.

Бас снова оглядел платформу. Он никогда не встречал деда по материнской линии. Мать, холодная и сдержанная даже в лучшие времена, о своём отце никогда не упоминала. И мальчик не заметил никого, кого бы он уже не увидел.

От толчка в спину он сделал первый шаг вниз по сходне. Оцепенев, Бас позволил ногам вести его вперёд, шаг за шагом. Сумка крепко зажата в руках, глаза всё ещё ищут деда в панике и замешательстве.

– Императар памаги тебе, червяк. Вон тот паскудный ублюдок ждёт тебя.

Бас обернулся, но грузчик уже топал обратно, в полумрак вагона. Вновь посмотрев на платформу, мальчик наконец увидел человека, которого не заметил раньше, потому что тот не двигался и не таскал коробки, сумки, ящики или свёртки. Это был мужчина, и он стоял в тени старого зелёного грузового контейнера, прислонившись спиной к изъеденной ржавчиной стенке.

Бас не мог хорошо разглядеть его в густой, чёрной тени, но по коже всё равно побежали мурашки. Холодная рука ужаса сжала сердце. Он замедлил шаг и хотел уже идти назад, но куда? В тёмную железную клетушку, кишашую вшами? И снова пошёл вперёд.

Когда мальчик добрался до платформы, он вздрогнул и взглянул вниз, удивлённый, что уже прошёл всю рампу. Деваться некуда. Нужно держаться. Трясущиеся ноги несли его вперёд, к зелёному контейнеру. И в пяти метрах от него голос, похожий на каменный скрежет, сказал: «А ты не спешил, пацан. Ты что, так же слаб умом, как и телом?»

Никакого знакомства, никакой вежливости.

– Не отставай, – сказал мужчина, отходя от контейнера. – И молчи.

И когда тот вышел на яркий свет и Бас впервые хорошо его разглядел, то не смог сдержаться и заскулил. Тёплая влага разлилась в паху, и брюки намокли. Старик, не слыша шагов, обернулся. Глянул на это жалкое зрелище, и презрение исказило страшное лицо.

– Чёртов трон, – прошипел старик. – Если в тебе и есть моя кровь, то самую малость!

Бас замер на месте и смотрел – губы дрожат, руки трясутся. Этот человек не может быть маминым отцом. Это какая-то ошибка. Мама была красивой и утончённой. Холодной, честно говоря, но всё же женщиной, которую он любил и восхищался которой больше всех. Он отчаянно пытался найти в незнакомце перед собой хоть какое-то сходство с матерью.

Если оно там и было, то глубоко погребённое под шрамами и морщинистой кожей.

Мужчина перед Басом был стар - не меньше семидесяти - но очень мускулистый для своего возраста. Едва ли в нём была хоть унция жира. Вены торчали на твёрдых руках и плечах, поднимаясь по шее к вискам бритой головы. У старика была средней длины борода, неровная и неухоженная, а на шее висела серебряная цепочка с двумя металлическими пластинками на ней. Одежда была оливково-зелёной - и пропитанная потом рубашка, и старые потрёпанные брюки, а ботинки, которые больше никто не назвал бы чёрными - ободранными и грязными.

Но всё же худшее - то, что надолго приковало взгляд Баса - была огромная воронка недостающей плоти на месте правой щеки. Это было чудовищно. Оставшиеся ткани были такими тонкими, что мальчик мог различить под ними сжатые от ярости зубы.

Старик заметил, куда смотрит Бас.

- Думаешь, я страшный, пацан? - сказал он. - Однажды я расскажу тебе о кошмарах.

При этих словах взгляд его стал отстранённым и странным. В этот миг старик казался внезапно человеческим, в чём-то даже уязвимым - человек со своими, вполне реальными страхами. Но это было всего мгновение. Оно прошло. И твёрдый, холодный взгляд, полный презрения, вернулся, такой же сильный как раньше.

- Солнце высушит твои брюки, - сказал, разворачиваясь, старик - но от стыда, если он у тебя остался, не избавит. Он вновь зашагал к юго-западному углу платформы, где вниз спускалась ещё одна широкая рампа. И только сейчас Бас заметил, что старик явно хромает на правую ногу, а при каждом шаге слышен глухой металлический скрежет.

- Не отставай, пацан, - крикнул он. - Не отставай или я, Императором клянусь, брошу тебя здесь.

Бас заторопился за дедом и подошёл достаточно близко, чтобы услышать, как тот бормочет: «Я это всё, что у тебя есть, бедный маленький убудок. Трон помощи нам обоим.»

Несмотря на размер, тело чужака было тяжёлым, и Бас весь взмок, пока тащил его по крышам подальше от своих укрытий. Сейчас он был рад облачному небу. Жар палящего солнца сделал бы задачу гораздо сложнее. И даже мог покончить с ним.

Пока мальчик шёл по доскам, то из-за головокружения два раза едва не упал, но оба раза успевал оправиться. Едва. Есть было не время. Как только труп остыл и кровь внутри свернулась, Бас вытащил нож из груди твари и набил рану ветошью. Крови практически не пролилось. Он связал руки и ноги кусками проволоки, чтобы было удобнее тащить тело, и завернул его в старую занавеску, снятую с окна третьего этажа. Но всё же, каким бы осторожным не был мальчик, каждый миг, пока он оставался с трупом, приближал его к смерти. Голод бился, как огонь, в пустом желудке, а ноги и плечи пылали от молочной кислоты. Бас пообещал себе, что, как только он закончит с трупом, съест целую банку чего-нибудь. Часть его воспротивилась такой расточительности. Сейчас хорошо есть означает остаться без пищи гораздо быстрее. Но тут ничего нельзя было поделать. Он почувствовал это ещё вчера, убегая от смерти. И чувствовал сейчас. Станешь слабым - лишишься преимущества, потому надо питаться. Вскоре, в один прекрасный день, Бас уже не сможет избавляться от трупов тех, кого убьёт. И будет вынужден готовить их плоть и есть её только для того, чтобы выжить. Он знал, что до этого дойдёт. Это было неизбежно. Сперва мальчик готовил и ел канализационных крыс, но потом они исчезли. Наверное,

их съели странные овалы хищники, которых захватчики привезли с собой. Вкус не имел значения, но Бас подозревал, что плоть чужаков, приготовит он её или нет, всё равно отравит его насмерть. Что бы Бас не делал, но, так или иначе, в конце концов пришельцы его убьют.

Но не сегодня. Не тогда, когда у него ещё хватает сил бросить им вызов.

Впереди сверху виднелись развалившиеся трубы последнего дома южной окраины городка. Здесь, на его крыше Бас оставит тело. И запах разложения не достигнет земли – ветры с пустоши унесут его прочь.

Мальчик оставил труп в центре крыши и засыпал его обломками, так чтобы любой крючконосый, поднявшийся наверх, не увидел бы ничего интересного. По крайней мере, издалека.

Завершив работу, Бас уже было развернулся и пошёл по своим следам обратно, когда услышал оглушительный грохот с равнины к югу от городка. Он мигом растянулся на крыше и пополз к её краю. Поднялось огромное облако пыли, по меньшей мере в милю шириной. Вначале мальчик подумал, что это песчаная буря, но облако приближалось к Трём Рекам, плывя против ветра.

Бас увидел его и забыл о голоде. Это было что-то новое, что-то неожиданное. Он должен остаться и наблюдать. Должен узнать, что это и как это повлияет на его выживание. И тут в глубине души затеплилась искорка надежды. А может, это люди? Может, в город вернулись имперские войска? Трон небесный, пусть будет так.

Но это была всего лишь искорка. И её быстро поглотила тьма внутри. Бас прожил слишком много дней и ночей безо всякой поддержки, чтобы поверить, что сейчас что-то может измениться. Насколько он знал, он был последним живым человеком на Таосе III. Учитывая необузданную силу и тягу к насилию инопланетных захватчиков, это казалось вполне возможным.

Потому Бас был настолько же не разочарован, как и не удивлён, когда облако пыли оказалось внушительной колонной техники зеленокожих. Воздух наполнился шумом двигателей, громкостью не уступающим летней грозе. Всевозможные машины носились по равнине перед городом – сотни, на колёсах и гусеницах, в самых разных сочетаниях. Их было так много и таких причудливых очертаний, что мальчик взглядом даже не мог охватить их целиком. Чудовищные орудия, торчащие из всех щелей тяжёлых бронированных турелей. Решётки радиаторов и передняя броня, переделанные так, чтобы напоминать гротескные лица. Причудливые красные и жёлтые знамёна бились на пыльном ветру. Они были грубо разукрашены черепами и топорами, нарисованными с детским простодушием.

А вот в ездоках не было ничего детского. Они были массивными тварями – сплошь зелёные мускулы, жёлтые клыки и толстая металлическая броня. И наслаждались шумом своих машин, рыча во весь голос вместе с ними. Прыгали и скакали в кузовах ублюдочных грузовиков и транспортов. Тех, кто падали, колёса и гусеницы следующих сзади машин превращали в кровавое месиво. Впрочем, все, кто это заметил, лишь смеялись.

На них было страшно смотреть, и Бас почувствовал, как сжался мочевой пузырь. Если твари пришли, чтобы остаться, ещё больше усилить зеленокожих, уже контролирующих Три Реки, то время его истекает. Шансы избежать встречи при таком их количестве были в лучшем случае невелики. Ему всё так же нужно рыться в отбросах в поисках старых банок с едой и наполнять бутылки водой из любого возможного источника. Всё так же нужно вылезать из безопасности своих укрытий. И когда Бас сделает это, то столкнётся лицом к лицу с городом, кишашим ужасными дикарями. Зачем они пришли? Что привело их сюда?

Как только вопрос сформировался в уме Баса, а первые из машин заревели по улицам внизу в сторону города, сотрясая фундамент здания, на котором он лежал, то мальчик увидел:

Люди!

Сперва Бас не мог поверить своим глазам. Дыхание перехватило, а сердце бешено застучало в груди. Всё же он был не последний. В этом мире он был не один. Там были дюжины людей, скованных и рассаженных по клеткам в кузовах грузовиков. Мальчик не обращал внимания на мотоциклы и тяжёлую бронетехнику, уже грохочущую внизу. А смотрел только на клетки.

Люди выглядели слабыми. Избитыми, замученными. Но Бас не винил их, а жалел. Понимал, что им пришлось вынести. Он один выжил, наблюдая за смертями людей, живущих в Трёх Реках. Так много смертей. Мальчик знал, на что способны захватчики. В них была жестокость, полностью соответствующая их ужасной внешности.

Рабы в клетках носили грязные лохмотья или вообще ничего – как мужчины, так и женщины. Когда-то Басу было бы интересно посмотреть на голых женщин. А какой десятилетний мальчик бы отказался? Но не здесь и сейчас. Сейчас он замечал только ослабевшие мускулы, запекшуюся кровь на лицах и головах, рёбра, торчащие на покрытых синяками телах.

Большинство рабов выглядели уже мёртвыми – как будто уже сдались. Может, сами бы с жизнью и не покончили, но, судя по их взглядам, с радостью бы встретили конец.

Они не как я, поймал себя на мысли Бас. Не выживающие. И среди них нет детей.

А тут он ошибся. Мгновением позже последний грузовик с рабами проехал под карнизом крыши и дальше по улице к центру города. Бас взглянул на заднюю стенку клетки и увидел мальчика примерно своего роста и возраста. Мальчика! В отличие от других, ребёнок стоял прямо, вцепившись в прутья клетки побелевшими пальцами.

В глазах был огонь. Даже с такого расстояния Бас видел и чувствовал это. В этом мальчике ярко пылали вызов и стремление жить.

Брат, подумал Бас. Друг. И внезапно понял, что месяцы одиночества и страданий были не зря, не просто для того, чтобы плюнуть в красные глаза врага. Он выживал, чтобы увидеть этот день. Выживал, чтобы найти этого мальчика, спасти его и никогда больше не быть одному. Вместе, они наполняют смыслом свои жизни. Будут присматривать друг за другом, зависеть друг от друга. Разделят тяжесть постоянной бдительности. Жизнь станет лучше. Бас был в этом уверен.

Голос деда прикрикнул на него из прошлого.

Взвесь всё, и сравни со своим выживанием. Живи, чтобы драться. Не бросай всё на ветер ради этого гиблого дела.

Нет, возразил Бас. Я больше не могу один. Я спасу его ради самого себя.

Если бы старик был жив, то избил бы мальчика до полусмерти. Не от злости – ничего подобного – но потому, что у человека есть только одна жизнь, а некоторые ошибки необратимы.

Улицы всё ещё дрожали от движения ревущей колонны, когда Бас поднялся на ноги. Вновь подавил чувство голода и последовал за везущими рабов грузовиками к центру города. Там он заляжет, будет наблюдать и строить планы.

Когда они с дедом уехали со станции Арко, то Басу стало ясно, что жить он будет не в большом городе-улье на севере, как он представлял. Дорога шла на юг, и громоздкие здания железнодорожной станции вскоре остались позади, неясные от пыли, марева и расстояния. Земля по обе стороны широкой пустой дороги была иссушенной и ровной. На ней росла лишь жёсткая трава и кустарник, которые выщипывали странные высокие животные. Мальчик был слишком напуган, чтобы спрашивать, куда они едут, или что-либо ещё. Старик пах потом, землёй и крепким алкоголем. Он вёл утлый автомобиль, сжав челюсти, не глядя и не разговаривая со своим юным напуганным подопечным.

После двух или трёх часов в раскалённой, душной машине, Бас увидел, как на дрожащей линии горизонта появляется городок. Когда подъехали поближе, мальчик тоскливо осознал, что это его новый дом. Здания на северной окраине были покосившимися, собранными из кусков халупами с ржавыми и сморщенными стенами. Это были первые трущобы, которые он когда-либо видел. За ними здания были повыше и поцелее, хотя и не намного привлекательнее. Повсюду висела маслянистая пелена. Вздвигающиеся трубы изрыгали в небо густой грязный дым. Когда они заехали вглубь города, Бас через окна взгляделся в хмурых, с твёрдым взглядом, людей на улице. Преобладали сдаваемые в наём многоквартирки. Из чёрных как смоль переулков между ними на улицы лились потоки отбросов.

Кто будет так жить? Спросил себя Бас. Кто захочет здесь остаться?

Второй раз за день он почувствовал отчаянное желание развернуться и убежать отсюда куда подальше. Но было просто некуда. Он был всего лишь семилетний мальчик, один-одинёшенек в Империи, за исключением лишь человека рядом, с которым был связан только родством и ничем больше.

- Добро пожаловать в Три Реки, - пробормотал дед.

Никакого добра Бас не почувствовал.

По иронии судьбы, Три Реки могли похвастаться лишь одной. Остальные две высохли после воплощения в жизнь гидроэлектропроекта Муниторума в двухстах километрах на запад. И сейчас некогда преуспевающий городок находился на грани экономического краха. Сельское хозяйство, от которого он зависел, боролось за выживание. Работные дома начали заполнять дети, чьи родители больше не могли содержать их. Многие искали забвения в алкоголе, а иные нарушали закон. На улицах стало небезопасно, и не только ночью.

В таком окружении человек, подобный деду Баса, бывший имперский гвардеец, закалённый и отточенный десятилетиями войны, несмотря на возраст, мог найти работу там, где не могли другие. Как позже узнал мальчик из обрывков приглушённых разговоров на улицах, старик периодически подрабатывал посредником, решающим силой проблемы для тех, кто мог заплатить нужную цену. Хозяин местной пивнушки тоже платил ему, чтобы тот избавлялся от буянов. Хотя, если верить тому, что говорят, старик создавал столько же проблем, сколько и решал. Но в первую ночь Бас этого ещё не знал. Всё, что он знал - прошлая жизнь закончилась. Его бросили в кромешную тьму, в сущий ад. Тогда мальчик ещё не предполагал, насколько погано всё ещё обернётся.

Домом старика был грязный подвал в самом низу чёрной многоквартирки, каждое окно которой было затянута проволочной сеткой. Ведущие к нему ступеньки были скользкими от мочи и гниющего мусора. От их запаха Баса тошнило всю первую неделю. Внутри было получше, хотя и не сильно. Единственная светосфера из всех сил разгоняла тьму в комнате, вообще лишённой естественного света.

Дед показал Басу, где тот будет спать - на старом матрасе, втиснутом в угол рядом с обогревателем, который за три года, что он прожил там, никогда не включали. Показал маленькую кухню и сказал,

что за еду и кров мальчик должен готовить для них обоих - и заодно выполнять кучу разных домашних обязанностей. Бас даже не мог представить, с чего начать готовку. В особняке его отец нанял двух личных шеф-поваров. Мальчик даже и подумать не мог о том, что готовить так тяжело.

Уборная стала ещё одним потрясением - простая тридцатисантиметровая дыра в покрытом кафелем полу, с ручным насосом над ней. Для мытья нужно было наполнить стальной таз, но вода всегда была ледяной. В первый день мальчик терпел, лишь бы только не пользоваться этой маленькой ужасной комнаткой, пока не почувствовал, что скоро лопнет. Нужда оказалась сильнее его изначального отвращения. И Бас приспособился.

Они пообедали вместе спустя час после приезда - если это можно было назвать обедом. Еду приготовил дед - безвкусную похлёбку из консервированного мяса грокса и помидоров. Хотя она и пахла отвратительно, Бас был настолько голоден, что полностью опустошил свою тарелку. Дед одобритительно кивнул, хотя взгляд остался таким же суровым. Когда закончили есть, старик приказал ему убрать со стола. Новый опыт. Так это и продолжалось, день за днём, пока мальчик не научился делать то, что от него ждали. Когда Бас ошибался или осмеливался возразить, дед его наказывал - мелькала рука, быстрая как жалящая змея, и хватала за ухо. Слезы не вызывали сочувствия, а только презрение.

Когда часы стали днями, а те - неделями, Бас осознал, что он научился ещё чему-то, что раньше не умел.

Ненавидеть.

На площади Спасения не было так шумно со времён её постройки. Может, тогда было даже потише. Разрушенные здания содрогались от гомона орды зеленокожих и от гортанного урчания их боевых машин.

Бас присел за единственной нетронутой статуей, которая осталась на покрытой чёрной черепицей крыше имперской церкви, возвышающейся на западной окраине площади. Небо было безоблачным, яркие солнечные лучи пронзали его как сотни пылающих мечей.

Бас прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть, как разгружают перевозящие рабов грузовики. Их пассажиров, несущих бочки и мешки, пинками и плетью гнали к сломанным двойным дверям здания Администратума. Мальчик из последнего грузовика тащился вместе с остальными, склонив голову, не смотря в глаза живым кошмарам, которые гнали его как скотину. Но Бас всё ещё чувствовал исходящую от него дерзкую ненависть, пока тот не скрылся из вида.

Новоприбывшие зеленокожие уже начали смешиваться с "местными" - изучать их, глазеть на их багги, мотоциклы и танки. Завязалось несколько драк, сопровождаемых улюлюканьем, смехом и криками одобрения, которые скоро стали настолько громкими, что могли поспорить с грохотом и тархтеньем машин. Проигравших безжалостно, без каких-либо колебаний добились, к восторгу обеих группировок. Всё же, несмотря на притягательность драк, толпы ксеносов быстро расступились, когда большой красный грузовик с рёвом въехал на площадь, и зазубренные лезвия, приделанные к радиатору, срезали дюжину зеленокожих. Потом он остановился, руки и ноги убитых торчали из-под грязного красного шасси.

Из кузова грузовика выпрыгнула группа ревущих громил, один другого больше. Они смотрели вокруг с безмолвным вызовом, на который никто не осмелился ответить. Их размер и повадки заставили остальных отступить, так что вокруг грузовика образовался круг. И тут вышел вожак группы. На разломанной брусчатке площади от железных сапог огромной твари появлялись свежие трещины. И Бас был уверен, что даже статуя, за которую он цеплялся, задрожала.

Без сомнений, это была крупная шишка среди орков. Даже если не учитывать размер. Броня свежеевыкрашенная, и на ней больше иконографии, чем у кого-либо другого. Из железной пластины на спине торчал двухметровый шест, добавляя высоты его и без того пугающим трём метрам. На жердь были нанизаны шлемы и человеческие черепа, на некоторых ещё осталась высохшая плоть. Стяг с двумя скрещёнными тесаками, нарисованными красным, развевался на шесте в тёплом ветерке.

Военный вождь затопал к центру площади, где когда-то стоял фонтан святой Эфиопы. Он рычал и вопил, что у него сходило за речь. Бас скользнул взглядом по куполу комплекса Администратума. Во время вторжения зеленокожих ему сильно досталось. Почти всю кобальтово-синюю облицовку сорвало, и обнажился голый растрескавшийся камень. Большие дыры испещрили поверхность, и купол был похож на остатки огромного треснувшего яйца, из которого уже вылупилось какое-то невообразимое животное.

Бас должен заглянуть внутрь. Должен найти мальчика. И отыскать способ спасти его.

Настоящая армия орков заполонила улицы внизу, и мальчик знал, что сейчас он рискует как никогда. Было совсем светло. Если Бас двинется, одна из тварей может это заметить и поднять тревогу. Сейчас как никогда он чувствовал себя балансирующим на лезвии ножа. Но теперь мальчик никак не мог отступить. Все мысли были только о дружбе. Впервые после того, как Бас вылез из укрытия в захваченный инопланетным ужасом городок, у него появилась цель, и, что ещё важнее, а может, и ещё опаснее, мальчик вспомнил, что такое надежда.

Нужно выждать. Нужно, чтобы орава внизу на что-нибудь отвлеклась.

Долго ждать не пришлось.

Из заблаговременно укрепленного дверного проёма здания вышел ещё один вожак. Рёвом и ударами он прокладывал себе дорогу через толпу своих подчинённых. Сам по себе орк был чудовищем ужасающих размеров. Но, на взгляд Баса, новоприбывший был больше, да и броня его была лучше.

Взгляды двух боссов встретились, и ни один не отвёл глаза, признавая поражение. Орда между ними расступилась, почувствовав грядущее насилие. Новоприбывший запрокинул голову и издал оглушительный боевой клич – вызов, от которого леденела кровь. Другой взвыл от гнева, исходя пеной, вскинул двуручный цепной топор над головой и побежал вниз по ступенькам навстречу сопернику. Толпа зеленокожих кровожадно заорала от восторга.

И у Баса появилась долгожданная возможность.

Мальчик не колебался. Пригнулся и отошёл от статуи, затем, от крыши к крыше, держась подальше от краёв, чтобы не выдать себя, направился к дыре в куполе.

Ему не надо было беспокоиться. Каждый блестящий красный глаз в округе был прикован к битве между двумя вожаками.

В конце первой недели пребывания в Трёх Реках дед Баса отдал его в маленькую схолу, принадлежащую и управляемую Экклезиархией, и кошмар, в котором жил мальчик, стал гораздо, гораздо хуже. Другие мальчики с самого начала были безжалостны. Бас для них был самой лёгкой и естественной жертвой – новичок и незнакомец. К тому же, за всю жизнь ему никогда не надо было защищаться – словами или физически, и другие ученики чувствовали его слабость, как стая собак чувствует запах раненного зверя. Это и притянуло их к Басу с самого первого дня.

Вожака стаи – самого высокого, сильного и самого злопамятного – звали Крэвин, и сперва он прикидывался дружелюбным.

- Ну и как тебя зовут? – спросил он незадолго до начала долгих часов ежедневного труда, учёбы и молитв.

Другие ученики, проходящие через окованные железом ворота, заметили новичка и стали собираться вокруг.

Басу от такого внимания стало не по себе. Ничего хорошего в нём не ощущалось.

- Я Бас, – робко ответил он.

- Бас бастард! – сказал остальным Крэвен и засмеялся.

- Бас личинка. – сказал другой.

- Бас пещерная жаба!

Мальчики засмеялись. Крэвин сложил руки на груди и искоса глянул на Баса: «Я видел тебя на Лимнан-стрит. Ты живёшь у Старого Железнонога?»

Бас в замешательстве уставился на него. Он понятия не имел, кто такой этот «Железноног». Дед настаивал, чтобы его называли "сержант", или сокращённо «Серж», а не дедушка или что-нибудь в этом духе. Бас слышал, что другие называют его Серж, но чаще когда говорят о нём, а не с ним. Потом дошло, и он кивнул.

Крэвин ухмыльнулся: «Понравилось? Понимаешь, это из-за его ноги».

Он начал ходить вокруг Баса, преувеличенно хромая и издавая механические звуки. Остальные мальчики так и покатались со смеху.

А Бас нет. Он никогда не спрашивал Сержа о его ноге. Просто не осмеливался. Мальчик знал, что нога часто причиняет старику боль, и часто видел глубокие следы, оставленные этой болью, на его лице. И знал, что иногда нога скрежещет, а иногда нет, хотя каких-то видимых причин не было. Она скрежетала совсем не так, как изображал Кривен, но это вовсе не мешало ученикам наслаждаться шуткой.

Крэвин остановился перед Басом: «Ну и кто ты для него, а? Новая подружка?»

И снова со всех сторон раздался громкий смех.

- Я...Я его внук, – пробормотал Бас. И внезапно осознал, что чем дольше разговаривает с ними, тем глубже копает себе яму. Мальчику был нужен путь отступления...и он появился, хотя ни к чему хорошему это не привело.

Зазвонил бронзовый колокол, и осанистый, мрачно выглядящий мужчина в толстых очках и рясе из грубой коричневой холстины с капюшоном появился в широких двойных дверях главного корпуса. И закричал ученикам, чтобы шли внутрь.

- Позже поговорим, личинка, – сказал Крэвин, развернулся и повёл остальных в схолум.

Тем вечером Бас едва добрался до дома Сержа. К тому времени рыдать он перестал, но слёзы продолжали стекать по щекам. Одежда была порезана ножами. Губы разбиты. Один глаз так заплыл, что

уже ничего не видел, а два пальца больше не гнулись.

Серж уже сидел за колченогим обеденным столом в центре комнаты, с припарками и бинтами наготове.

- Сколько ударов ты нанёс? - просто спросил он.

Бас не мог говорить из-за рыданий.

- Я спросил сколько, - рявкнул старик.

- Ни одного, - застонал Бас. - Ни одного, ясно? Я ничего не мог сделать!

Дед громко выругался, затем показал на пустой стул на другом конце стола: «Садись. Посмотрим, смогу ли я тебя залатать».

Целых полчаса Серж бинтовал израненного внука. И делал он это не слишком нежно. Даже и не старался. От боли Бас заплакал больше дюжины раз. Но, как бы не был суров старик, с бинтами, лубками, иглой и нитками он обращаться умел.

Когда дед закончил, то встал, чтобы убрать аптечку. Посмотрел на Баса и сказал: «Завтра пойдёшь снова. Они не тронут тебя, пока не выздоровеешь».

Бас замотал головой: «Я не хочу туда. Не заставляй меня. Я лучше умру!»

Серж метнулся вперёд и наклонился прямо к лицу Баса.

- Никогда не говори так! - прошипел он. - Никогда не сдавайся! Не дай им победить! Слышишь меня, пацан?

Бас застыл в абсолютном ужасе, уверенный, что старик разорвёт его на части - такая ярость была в голосе деда и на его ужасном лице.

Дед снова встал прямо.

- Считаются только трудные уроки, - сказал тот уже спокойнее. - Понимаешь? Благодаря суровым урокам получают суровые люди.

Он повернулся и пошёл налево, чтобы положить аптечку в шкаф.

- Когда тебе надоест быть лёгкой добычей, скажи мне, пацан. Говорю тебе от всего сердца.

Накинул пальто из кожи грокса и направился к двери.

И, открыв дверь, сказал: «Отдыхай. Мне нужно идти работать».

Дверь захлопнулась.

Бас лежал, но не мог уснуть. Раны болели, но это было не самое худшее.

Малодушный страх навис над ним как гнилой саван, впился в него, душил.

Перед закрытыми глазами мелькали живые воспоминания о колотящих руках и ногах, о злобном, радостном смехе, которым передразнивали мольбы о пощаде.

Нет, этой ночью Басу не уснуть - как и многими другими в будущем.

Рабов уже заперли в широкую клетку из чёрного железа с грубо отлитыми прутьями, покрытыми шипами. Как и раньше, все, кроме одного – а Бас прикинул, что их примерно двадцать – сидели или лежали, как неживые. Не было ни разговоров, ни стонов, ни рыданий. Уже не осталось слёз. Мальчик задумался, давно ли они так живут. Столько же, сколько и он? Дольше?

Увидел мальчика, стоящего возле прутьев, крепко сжавшего их руками. О чём тот думал? Всегда ли стоял так? Спал ли вообще?

Здание внутри когда-то было величественным, даже в годы упадка. Сейчас же в каждом углу огромной приёмной были навалены горы орочьих экскрементов и гниющих тел. Стены размалевали воинственными изображениями в той же простодушной детской манере, что машины и знамёна. Воздух внутри был отвратительным, даже для Баса почти невыносимым. Отчасти то, что его так долго не обнаружили, было из-за втирания сухих фекалий зеленокожих в кожу. Поначалу тошнило так, что чуть не умер. Но потом быстро привык, и прискорбное занятие хорошо отбивало человеческий запах. Если бы не это, то Баса давно бы уже нашли и убили. Всё же, миазмы грязи и разложения в широкой приёмной были тошнотворны.

Почти вся мраморная отделка стен внутри растрескалась и обвалилась на пол. Обнажилась кирпичная кладка и скрученные стальные прутья, торчащие во многих местах. Благодаря им спуск был простым и быстрым. Бас последний раз осмотрелся, чтобы убедиться, что все зеленокожие были снаружи и наблюдали за схваткой, затем быстро спрыгнул на пол. Ноги бесшумно понесли его вдоль западной стены к чёрной железной клетке. Ни один из пленных людей не увидел и не услышал Баса, пока тот не встал практически перед пленённым мальчиком. И даже после этого. Похоже, были слишком измождены, чтобы заметить его присутствие. А пленник продолжал напряжённо смотреть прямо вперёд, не мигая, и Бас на мгновение испугался. Может, тот был слабоумным.

Мгновение Бас рассматривал его вблизи. Как и остальные, мальчик был болезненно худым из-за недоедания и покрыт не до конца зажившими порезами и ушибами. На лбу была чёрная татуировка примерно в три сантиметра. Бас обратил на неё внимание, хотя раньше таких и не видел. И понятия не имел, что она означает – стилизованный глаз внутри треугольника. Он посмотрел вниз, на руки пленника, и заметил ещё одну татуировку на внутренней стороне правого предплечья – штрих-код, а под ним цифры. Это сделали не орки – слишком чётко для них. Бас даже представить не мог, что эти татуировки означают, и, здесь и сейчас, ему было всё равно.

Бас потянулся вперёд и коснулся левой руки мальчика там, где тот вцепился в решётку.

Человеческое прикосновение проникло через пелену, затуманившую чувства пленника, потому что тот вздрогнул и его с Басом взгляды встретились в первый раз.

Сердце Баса взорвалось от радости. Встреча с человеком! Родственной душой! Даже робкой надежды испытать это вновь не было – и вот! Будь прокляты прутья, разделявшие их. Иначе он бы обнял мальчика от радости, которую чувствовал в этот миг.

Открыл рот и попробовал поздороваться, но всё, что получилось, было иссохшим карканьем. Неужели Бас уже забыл, как разговаривать? Он сосредоточился и попробовал снова выговорить слово, такое простое и всё же настолько сложное после долгих одиноких месяцев.

И прохрипел: «Привет». Потом сказал это вновь, но на сей раз гораздо лучше.

Пленник удивлённо мигнул и отдернул руки от прутьев. На шаг отступил вглубь клетки.

Бас не мог понять, почему. Он сделал что-то не так?

В голове зазвучали слова, и Бас знал, что не его. В них было что-то странное, какой-то неуловимый акцент.

Кто ты?

Бас тряхнул головой, не понимая, что происходит.

Мальчик с татуировками, видя его замешательство, осторожно вернулся к решётке.

- *Кто ты?* - раздалось вновь.

- Это ты? - хрипло ответил Бас. - Ты в моей голове?

Пленник раскрыл рот и показал внутрь. Там не было большинства зубов. Те, что остались, были лишь острыми обломками. Но не поэтому он не мог разговаривать. Там, где должен был быть язык, остался лишь тёмный обрубок плоти. Язык вырезали.

Внезапно с обеих сторон раздался шум движения. Бас посмотрел налево и направо и увидел, что остальные пленники наконец поднялись. Распихивая друг друга, хлынули к решётке, отталкивая татуированного безъязыкого мальчика назад, чтобы приблизиться к Басу.

Бас насторожился и немедленно отошёл. Ему не нравился их взгляды. Такая безнадёжность. Внезапно почувствовал тяжесть надежд и ожиданий, ещё до того, как их высказали.

И первой это сделала потрёпанная, некрасивая женщина средних лет: «Сынок, выпусти нас отсюда! Освободи нас, быстро!»

Остальные настойчиво вторили ей: «Открой клетку, парень! Спаси нас!»

Бас поискал дверь клетки и нашёл почти сразу. Она была справа, заперта на цепь со звеньями такими же толстыми, как его запястье.

Высокий, тощий мужчина с глубоко посаженными глазами и впалыми щеками зашипел на других: «Чёрт бы вас побрал, заткнитесь. Они услышат!»

И ударил узницу, кричавшую громче всех, в челюсть, когда понял, что его не слушают. Бас увидела, как та осела на дно клетки. Другая быстро встала на её место, наступив на руку и плечо первой в отчаянной попытке подобраться к возможному спасителю. Бас сжался, желая оказаться от них всех подальше. Это было неправильно. Он не хотел отвечать за всех этих людей. Ему был нужен только мальчик.

Несмотря на логику в словах истощённого мужчины, остальные не умолкли. Они просовывали руки между прутьями, разрывая тонкую, похожую на бумагу кожу о железные колючки. На выложенном плиткой полу стали собираться лужи крови, заполняя трещины. Бас ещё шагнул назад, ища в толпе перед собой татуированного мальчика, но того совсем не было видно.

- Не бросай нас, сынок, - умолял лысый человек с обрубленной возле локтя правой рукой.

- Император проклянёт тебя, если ты бросишь нас, - визжала грязная женщина с тёмной коростой вместо носа. - О да, мальчик. Проклянёт, если не спасёшь нас.

Если бы чудовища снаружи сами так не шумели, то уже наверняка бы услышали этот гам. Бас знал, что

должен идти, что не может здесь оставаться. Но было тяжело бросать мальчика. Как же открыть клетку? Он никак не мог перепилить цепь. Неужели Бас нашёл этого пленника лишь для того, чтобы отчаяться от неспособности спасти его? Неужели вселенная воистину так жестока?

Мощный рёв раздался с площади Спасения, такой громкий, что заглушил даже воющих людей. Схватка между двумя вождями закончилась. А вместе с ней и зрелище. Сменили ли Три Реки хозяина или нет – Баса не волновало. Имело значение лишь то, что теперь в любую секунду массивные зелёные тела хлынут в здание через сломанные дубовые двери.

Иди, сказал проецируемый голос татуированного мальчика. *Ты должен идти.*

Бас всё ещё его не видел, но всё же выкрикнул: «Я вернусь за тобой!»

Не надо, ответил мальчик. Не возвращайся. Ты не можешь нам помочь. Просто беги.

Бас вскарабкался на стену приёмной как паук. На вершине, присев на край огромной неровной дыры в куполе, он задержался, чтобы повернуться и посмотреть на клетку ещё раз. Узники всё ещё тянулись вперёд, несмотря на то, что мальчик был в двадцати метрах. Всё ещё выли, взывая к нему.

Бас нахмурился.

– Здесь некуда бежать, – сказал он тихо, гадая, слышит ли пленник его мысли. – У меня есть только ты. Я должен вернуться.

Тараторящие зеленокожие хлынули внутрь, смеясь, ворча и фыркая, как дикие боровы.

Бас скрылся из вида и направился к ближайшему убежищу, чтобы подготовиться вернуться ночью. Он пока не знал, как освободить мальчика, но что-то подсказывало, что способ найдется. В конце концов, сейчас только это имело значение.

Как Бас понял, когда провёл несколько месяцев в Трёх Реках, есть два способа бороться со страхом. Можно позволить ему разьесть себя, выгрызть из тебя волю и здравомыслие подобно раку, или сразиться с ним лицом к лицу, и, может быть, даже победить. Хотя в этом вопросе выбора у мальчика не было. Дед уже всё решил за него.

Крэвин и его шайка подонков действительно подождали, пока Бас оправится, прежде чем избить его снова. А потом отделали так же жестоко, как и в первый раз. Вновь и вновь беспощадно пинали, когда он лежал, свернувшись в клубок. И Бас думал, что они никогда не остановятся. Может, даже убьют. Какая-то часть его желала этого. По крайней мере, всё это закончится.

Когда удары прекратились, это было как благословение самого Бога-Императора. Бас открыл глаза и увидел, что шайка побрела вниз по улице. Мальчики смеялись и шуточно пихали друг друга в плечо. Две местные женщины прошли и взглянули на него, истекающего кровью на мостовой, но не остановились. В их глазах не было ни капли жалости – они смотрели на мальчика как надохлую крысу.

Хотя следующий прохожий остановился. Бас его не знал. Это был крупный полный мужчина с татуировками черепа и меча на обоих предплечьях. – Хреновый выдался день, сынок? – спросил тот, помогая встать Басу на ноги. – Пойдём, отведём тебя домой, а? А Серж починит тебя.

Бас ковылял рядом с ним, изо всех сил стараясь не плакать.

- Ввв...Вы знаете Сержа? - запинаясь, спросил мальчик.

Человек засмеялся.

- Можно сказать и так, - ответил он. - Твой дед работает на меня.

Бас взглянул на него.

- Я Шерридан, - сказал толстяк. - У меня паб на Мегрум-стрит. Ну там, где он работает по ночам.

Похоже, Шерридан любил поболтать. За те двадцать две минуты, что Бас провёл с ним в тот день, он узнал больше о своём деде, чем за те недели, что прожил в этом проклятом месте. И никогда бы не подумал такое о старике.

Если верить Шерридану, старый мрачный ублюдок был имперским героем.

Бас, как и обещал себе, съел целую банку консервированного мяса грокса, зная, что ему понадобится сила и энергия. Сидя в ближайшем к площади Спасения укрытии, он усиленно думал о том, как вытащить мальчика из клетки. У одного из орков должен быть ключ. Но у которого? И как Басу его достать?

Думал и о том, что делать, когда откроет клетку. Другие...он не мог за ними присмотреть. Они должны позаботиться о себе сами. Они были взрослыми и не могли ожидать, что мальчик взвалит ответственность за их жизни на свои плечи. Такое было за пределами его сил. Слишком много просить такого. Остальные справятся сами. А он быстро выведет пленника, и они вскарабкаются на крышу прежде, чем орки даже поймут, что происходит. Вдвоём мальчики вернутся в это укрытие, не привлекая внимания.

Бас посмотрел на несколько жестянок с едой, оставшихся в металлической коробке у ног. На них не было этикеток, но значения это не имело. Как и он сам, татуированный мальчик будет рад той еде, которую сможет добыть. Вместе, они наедятся вдоволь, чтобы отпраздновать свою новую дружбу. А завтра пойдут искать новые припасы как единая команда.

С этими мыслями, поддерживающими его дух, Бас лёг спать и постарался уснуть, зная, что нужно хорошо отдохнуть, чтобы подготовиться к опасностям грядущей ночи.

На Три Реки быстро опускалась тьма, ночное небо было ясным и светлым. Три луны планеты светили над головой, как освещённые жемчужины. Звёзды светили во всеё красе. Если бы Бас соизволил глянуть вверх, то мог бы заметить, что некоторые из них необъяснимо движутся на север. Но нет. Он смотрел на панораму внизу.

На разорённой площади горели дюжины орочьих костров, окружённые большими телами, казавшимися оранжевыми в отсветах пламени. Большинство зверей пили какое-то вонючее перебродившее пойло из бочек, которые привезли на грузовиках. Другие отрывали полоски жареного мяса от туш, готовящихся на вертелах. Бас не знал, какое мясо готовят зеленокожие, но слышал, как трещит и шипит жир, когда кожа трескается и сгорает. Остальные всё ещё рывкали друг на друга на своём грубом языке. Время от времени случались драки, каждая из которых заканчивалась летальным исходом - сильный зарубал слабого или забивал его до смерти.

Желудок Баса заурчал, требуя, чтобы тот что-то сделал по поводу аппетитного запаха, доносящегося до

карниза, но мальчик проигнорировал его. Было необходимо всё внимание, вся сосредоточенность, чтобы распознать нужный момент и проскользнуть обратно в купол.

Казалось, что прошло много времени с тех пор, как Бас снова вскарабкался на вершину развалин старой церкви и прижался к статуе, скрывшей его фигуру. На самом деле прошло лишь два часа и большинство орков, насытившихся мясом, алкоголем и драками, улеглось спать. Их совместный храп мог бы поспорить с шумом их машин в этот день.

Время действовать пришло.

Сосредоточившись на том, чтоб его не заметили, Бас пошёл по своим досточкам и вскоре достиг зияющей дыры в куполе. Там тесно прижался к обнажившемуся камню и всмотрелся внутрь, исследуя зал внизу.

Там тоже были костры, хотя и не такие большие, как снаружи. Вокруг них спали самые большие, с самой тяжёлой бронёй, самыми большими пушками и больше всех украшенные зеленокожие. Были там и крюконосые, спящие кучками возле покрытых мухами куч навоза. Им не разрешали отдыхать возле костров своих огромных хозяев.

Бас посмотрел, подождал и решил, что, судя по звукам, орки внутри спят так же крепко, как и снаружи. Собрался с духом, вышел из-под защиты купола и начал спускаться. В звёздном свете его тень упала на пол внизу, но никто не заметил и не пошевелился.

Бас спускался так незаметно, как только мог, пальцами ища и находя те же самые точки опоры, что и раньше. Но если днём спуск занял лишь мгновения, то сейчас минуты. Слишком много стоял на кону, чтобы торопиться, и пользы от спешки не могло быть никакой.

Наконец босые ноги коснулись холодного пола, и мальчик отвернулся от стены. Понял, что даже если бы поскальзывался и шумел, то орки всё равно бы не услышали. Вблизи их храп был абсурдно громким. Хорошо. Это пойдёт на пользу.

Бас старался не глядеть прямо на огонь. Глаза привыкли к полутьме за последние несколько часов терпеливого ожидания, и он хотел, чтоб так и осталось. Нужно видеть в темноте, потому что клетку с пленниками задвинули к дальней стене, и мраморная лестница рядом погрузила её в кромешный мрак.

Мальчик двигался в густых тенях, когда мог, стараясь держаться подальше от групп крюконосых. Если бы Бас не маскировал свой запах орочьим так часто и старательно, их чувствительные носы могли бы учуять его. Но они не проснулись. Так что он добрался до клетки и встал там же, где и раньше.

Тихие звуки сна доносились из-за железных прутьев.

Хорошо, подумал Бас. Большинство из них тоже спит.

Он надеялся, что так и останется. Но где же мальчик?

Кто-то подошёл к стенке клетки. Бас прищурился и с облегчением понял, что тот, кого искал, стоит прямо перед ним. Бас улыбнулся и кивнул, здороваясь.

Пленник не улыбнулся в ответ.

Я же сказал тебе не возвращаться. Не надо так рисковать. Спасай свою жизнь.

Бас покачал головой и негромко заговорил, не уверенный, может ли мальчик читать чужие мысли или только передавать свои: «Как мне открыть дверь? Как отпереть эту штуку?»

Он показал на тяжёлую цепь и грубый железный навесной замок, лежащие внизу двери, цепь дважды обёрнута вокруг прутьев.

Я спрашиваю ещё раз, сказал мальчик. Почему ты не оставишь меня и не спасаешься сам?

- Нет! - прошипел Бас. - Без тебя я отсюда не уйду. Меня уже тошнит от одиночества. Как ты не понимаешь?

Голос у Баса в голове немного помолчал. *Что ж, произнёс наконец он. Есть ключ. Глава погонщиков рабов носит его на поясе, привязанным куском толстой верёвки. Если ты сможешь перерезать верёвку и взять ключ, не разбудив его...*

- Где он? - прошептал Бас.

Лежит возле ближайшего костра слева от тебя. У него нет правого уха.

Бас подкрался вперёд, к костру, всё ещё стараясь не смотреть прямо на него. Вокруг огня лежали семь орков, и, когда мальчик подобрался к этим клыкастым великанам - гораздо ближе физически, чем когда-либо - по-настоящему осознал, насколько же они большие. Бас всегда знал, что эти кошмарные дикари огромны. Но лишь очутившись так близко, увидев широкие могучие спины, вздымающиеся от каждого вздоха, мальчик понял, насколько он действительно мал и хрупок. Бас знал, что даже против одного из них он бессилен. Если сегодня всё сорвётся, то это будет конец.

Мальчик быстро нашёл старшего погонщика рабов и двинулся вокруг того в поисках ключа.

Похожая на бочку грудь орка вздымалась подобно огромным кузнечным мехам, каждый раз, когда он глубоко, раскатисто вдыхал, и, когда выдыхал, толстые нити слюны колыхались на длинных искривлённых клыках. А дыхание было вонючим, как труп, гниющий на солнце.

Наперекор здравому смыслу Бас встал между ним и огнём. Это был единственный способ достать ключ. Но, как только тень коснулась закрытых глаз чудовища, огромные плечи того задёргались.

И прекратился храп.

Уровень адреналина в крови Баса, и без того высокий, взлетел как ракета. Мальчик встал как вкопанный, руки и ноги тряслись. Он не знал, что делать, если тварь сейчас проснётся. Просто стоял, и секунды казались часами.

Но это были всего лишь секунды, и их прошло совсем немного, прежде чем монстр снова улёгся и захрапел даже громче, чем раньше. На душе Баса ощутимо полегчало, но, не желая задерживаться возле зверя дольше необходимого, он склонился к увитому толстыми жгутами мышц животу и медленно и осторожно достал дедовский нож из ножен на поясе.

Верёвка была толстой, а ключ тяжёлым, но старый нож Сержа был острым как бритва. И не тупился, сколько бы им не пользовались. Он легко разрезал волокна верёвки. Бас поднял ключ, убрал нож обратно и вернулся к клетке.

- Я добыл его, - прошептал он и наклонился к массивному замку.

- Поверни по часовой стрелке, - сказал голос из густой тени внутри клетки.

Бас испуганно взглянул и увидел, что высокий, измождённый мужчина, которого видел раньше, встал перед ним с другой стороны двери.

- Я помогу тебе, сынок, - сказал узник, садясь на корточки. - Поворачивай ключ. А я подержу замок и цепь, чтобы не брякнули.

Бас взглядом поискал мальчика, которого пришёл спасать, и увидел, что тот бесшумно подошёл и присел на корточки рядом с тощим человеком.

- Воспользуйся двумя руками, чтобы повернуть его, - произнёс пленник.

Бас вставил бородку ключа в скважину и пытался повернуть его, пока не заболели пальцы.

Бесполезно.

То, что не составляло ни малейшего труда для чужаков, было практически невозможно для мальчика. Просто не хватало силы в руках.

- Вот, - сказал мужчина, протягивая Басу вонючий обрывок, когда-то бывший частью одежды. - Обмотай вокруг головки и попробуй снова.

Мальчик так и сделал. Со сжатыми зубами и усилием, от которого вздулись вены на руках и шее, он боролся с замком. Раздался металлический скрежет. Замок раскрылся. Бас повернулся, уверенный, что добился он этим только собственной смерти. Каждый звук казался гораздо громче, когда незаметность была важнее всего. Он осмотрел холл позади себя, не смея вздохнуть. И чувствовал напряжение внутри клетки тоже. Всё же орки продолжали спать. Возможно, бояться всё же было нечего. Может быть, чудовища спали так крепко, что Бас мог пробежать между ними, крича и хлопая в ладоши, и не разбудить ни одного.

Самоуверенность убила больше людей, чем пули, рявкнул голос деда из глубин памяти. *Не высовывайся.*

- Это будет трудно, - сказал мужчина в клетке. - Сними замок с цепи и положи в сторонку. Я постараюсь распутать её без лишнего шума.

Для Баса это звучало разумно. Цепь выглядела особенно тяжёлой, да такой и была. В конце концов, понадобились объединённые усилия всех троих - худого мужчины, его самого и татуированного мальчика - чтобы снять её тихо. Но, прежде чем старший пленник попробовал открыть дверь, Бас поднял руку.

- Подожди, - прошептал он. - Нужно поплевать на петли.

Мужчина вскинул брови, его лицо было еле различимо в сумраке: «Правильно мыслишь».

Бас удивился похвале. От деда их было не так-то легко добиться.

Как бы хороша не была идея, для пленников было сложно набрать достаточно слюны для этого. От слишком долгого времени без нормальной пищи и воды у них в горле саднило, а во рту было сухо как в пустыне. Однако после нескольких неудачных попыток мужчину осенило. Сказав татуированному мальчику делать то же самое, он взял уголок своего потрёпанного одеяния в рот и начал жевать.

Довольно скоро две большие дверные петли влажно заблестели от свежей смазки. Разбуженные звуками плевков остальные пленники заковыляли вперёд, чтобы узнать, что происходит. От этого Басу стало не по себе. Он был уверен, что рабы выдадут его, и вся эта спасательная операция выйдет ему боком. Но ошибся. В плену люди быстро научились не будить захватчиков, чтобы их не били, пытали... или ещё чего хуже.

- Всем тихо, - сказал измождённый мужчина. - Парень освободил нас, но выбраться наружу будет нелегко. Вы должны вести себя тихо. Проявите терпение или мы все сегодня умрём.

- Мы с тобой, Клейн, - прошептал кто-то в глубине клетки. Остальные согласно кивнули.

Убедившись в их согласии, тощий мужчина, Клейн, снова повернулся к двери клетки и начал аккуратно её открывать. Петли недовольно скрипнули, но лишь слегка. Наконец, клетка открылась.

Бас шагнул назад.

Клейн положил руку на плечо татуированного мальчика и вывел его первым. Тот встал прямо перед Басом, который не смог удержаться - потянулся вперёд и обнял мальчика.

- Я же говорил, что вытащу тебя, - прошептал он, потом внезапно пришёл в себя и шагнул назад.

Клейн уже выводил остальных, пока они все вместе не встали снаружи клетки, с ожиданием глядя на Баса - молчаливая, ошалелая толпа жалких, несчастных людей.

- Как ты собираешься вывести нас отсюда, сынок? - спросил Клейн. - Как ты приведёшь нас в безопасное место?

Бас уже почти выпалил: «Я пришёл только за ним», но остановился. Глядя на этих людей, чьи жизни и надежды висели на тончайшем волоске, мальчик понял, что не может просто взять и повернуться к ним спиной. Он появился в их жизни, как свет во тьме, и не мог погаснуть, как не мог и бросить того, кто придал новый смысл его выживанию.

Бас повернулся и указал на широкий разлом вверху купола. Ближайшая луна Таоса III, Амарал, только что вышла из-за восточного края трещины и залила холл серебряным светом, показав, сколько огромных зеленокожих громил там спит.

Живот свело. Всё ещё могло обернуться плохо. Один прокол - и будет бойня. И всё же он был близок, так близок к тому, чтобы вместе с татуированным мальчиком выбраться отсюда.

Клейн проследил за пальцем Баса, блуждая взглядом от дыры в куполе по грубой стене к холодному мраморному полу. Нахмурился, возможно неуверенный в том, смогут ли некоторые вскарабкаться. Но всё же кивнул и сказал: «Веди нас, сынок. Мы за тобой».

И вся группа с предельной осторожностью шла между орочьими кострами, застывая от ужаса каждый раз, когда кто-нибудь из тварей шевелился или громко фырчал во сне. Басу казалось, что сквозь зал шли почти вечность. Это было глупо. Даже если они вылезут, то сколько времени уйдёт, чтобы пройти по мосткам, уложенным им между крышами. И будут вечно добираться до...

Докуда? Куда их вести?

Мальчик не мог привести рабов ни в одно из своих укрытий. Он выбирал их из-трудности доступа, из-за маленького размера. Они не должны привлекать лишнего внимания. Но про толпу неуклюжих взрослых,

пытающихся втиснуться в крохотное пространство, такого сказать было никак нельзя. А запах этих людей! Такой человеческий. Пока Бас не постоял среди пленных, то не осознавал, насколько сильно они пахнут. Зеленокожие найдут их сразу, как только проснутся. Без сомнений, люди думали, что это он воняет – ведь мальчик втирал сухое орочье дерьмо в одежду, кожу и волосы. Но и они научится делать то же самое...или умрут.

У стены пленники встали в кучу, и Клейн заговорил с ними вновь.

- Мальчик полезет первым, – сказал он. – Внимательно следите за ним. Смотрите, как он карабкается, и старайтесь запомнить, какие опоры использует. Мы должны выбраться быстро, но не настолько, чтобы что-нибудь сделать не так. Сиррик, – добавил, обращаясь к татуированному мальчику, – ты вслед за ним. Когда ты и – извини, сынок, не знаю, как тебя зовут.

- Бас.

Клейн по-отечески положил руку Басу на голову: «Бас. Теперь мы знаем имя нашего спасителя». Он улыбнулся, и мальчик увидел, что зубы его сломаны, без сомнения, ударом одного из зеленокожих: «Бас, когда вскарабкаешься наверх, то вы с Сирриком поможете залезть остальным, ладно?»

Мгновение Бас думал просто взять Сиррика и сбежать. У них вдвоём шансы выжить гораздо выше. Но как только эта мысль пришла в голову, то он почувствовал, как вина начала глотать его изнутри. Что бы сделал дед? Такому старик не учил. Не проверял. А как хотелось знать правильный ответ. Принимал ли Серж когда-нибудь такое решение? И обучение Баса просто не зашло так далеко?

Что мне делать, дед? Бас спросил старика из своих воспоминаний.

Но резкий голос из прошлого не ответил.

Он посмотрел на Сиррика, и мальчик одобрительно кивнул.

- Хорошо, – прошептал Клейн. – Вперёд, сынок. Покажи нам путь.

Бас, не глядя вниз, начал взбираться, руки и ноги сами находили точки опоры. Залез без шума и происшествий, и на вершине обернулся и увидел Сиррика лишь несколькими метрами ниже. Когда мальчик добрался до края стены, где был выход из купола наружу, Бас потянулся и втянул его наверх.

Внизу Клейн помогал первой из взрослых, женщине с короткими волосами, начать карабкаться.

Насколько же хилым выглядели пленники. Насколько слабыми. Смогут ли они и вправду сделать это?

Бас услышал крик в голове.

Нет! Дара, нет!

Это был Сиррик. Он увидел или почувствовал, что сейчас что-то произойдёт. По отчаянию, звучащему в его мыслях, Бас понял, что ничего хорошего.

Женщина рванулась вперёд, плечами расталкивая остальных, истерично визжа: «Я должна выбраться! Я должна выбраться отсюда! Я первая! Пустите меня вперёд!»

Её безумные крики разносились по огромному холлу, отражались от купола, влетали прямо в уши зеленокожим. С рычаньем и хрюканьем те начали просыпаться.

Клейн попытался остановить её, но паника придавала пленнице сил, и он отшатнулся назад, когда она оттолкнула его в сторону. Затем Дара протянула руки вверх и стянула женщину с короткими волосами со стены, отбросив её назад. Пленница приземлилась на мраморный пол с тошнотворным хрустом.

И больше не встала. И не открыла глаза.

Бас увидел, как встают орки, огромные взбешённые фигуры, кажущиеся ещё страшнее в свете костров. Тот, что встал первым, осматривал зал в поисках разбудившего его шума. Злобные красные глазки остановились на жалких людишках, пытавшихся сбежать.

Рёв заполнил воздух. Сверкнули клинки. Поднялись пистолеты.

Бас испустил поток проклятий. Здесь, на краю расселины в куполе, он и Сиррик видели всё, что творилось внизу. Конечно, мальчик понимал, что разумнее бы было сбежать и залечь где-нибудь. Но что-то в неизбежном кошмаре держало его здесь, заставляя смотреть. Бас должен досмотреть всё до конца.

Была ли это его вина? Должны ли все пленники умереть для того, чтобы он облегчил своё одиночество?

Дара скреблась на стене, отчаянно стараясь залезть быстрее и не подозревая, что из-за её опрометчивости неминуемо разразится бойня. Хотя она и не была достаточно хладнокровна, чтобы следовать тем же путём, что и Бас, но из-за неистового желания быстрее оказаться наверху делала успехи.

Женщина была уже на половине пути, когда остальные начали кричать. До них уже добрались первые орки. Тяжёлые клинки вздымались и падали, разрубая своих жертв на дрожащие кусочки. Кровь, чёрная в лунном свете, фонтанами била в воздух, омывая злобные лица зеленокожих. Низкие, гулкие крики дикой радости раздавались из дюжины клыкастых пастей. Звериный смех отражался от стен.

Бас увидел, что Клейн смотрит прямо на него – последний оставшийся из беглецов. Ему, окружённому со всех сторон, было некуда бежать. Орки приблизились к пленнику, красные глазки обезумели от радости убийств. Клейн не кричал, как другие. Казалось, смирился с судьбой. Бас видел, что он произнёс что-то, но так никогда и не узнал, что. Может, желал удачи. Может, что-то другое.

Дюжина орочьих клинков ударили как один. Влажные ошмётки упали на пол. Клейна не стало.

Снаружи Зала правительства волнение распространилось на остальную орду. Спящие на площади Спасения проснулись, поначалу растерянные, но вскоре сгорающие от нетерпения присоединиться к потасовке, начавшейся внутри здания. Они начали ломиться внутрь, сражаясь, чтобы попасть туда первыми. Может, почуяли запах человеческой крови, который висел в воздухе, густой и солёный. Бас чувствовал его тоже.

Дара уже почти добралась до трещины в куполе, всё ещё безумно цепляясь за каждый выступающий камень, за каждый стальной прут, приближающий её к свободе. До женщины уже можно было дотянуться. Бас посмотрел на неё. Он мог протянуть руки, ухватить и помочь ей преодолеть последний метр, но колебался. Эта сумасшедшая предопределила судьбу остальных. Она убила их в той же степени, что и орки. Если мальчик попытается взять её с собой, то убьёт и его. В этом не было ни малейшего сомнения, и тёмная часть Баса обдумывала пинком сбросить её обратно, чтобы Дара присоединилась к тем, кого обрекла на смерть. Это будет справедливо. Подходящая месть за остальных.

Но не сбросил. Вместо этого понял, что неосознанно тянется к ней, решив помочь.

Однако, делая это, услышал, как с неба раздаётся странный свистящий звук.

Времени гадать, что это, не было. Стена под Басом сильно вздрогнула, и он вцепился в неё в поисках опоры. Потом появилась ослепительная вспышка света, от которой мир под веками окрасился в красный. Яростный жар хлынул на мальчика, сжигая покрытые грязью волосы.

Крик Дары зазвенел в его ушах, смешиваясь со странными звуками, опять доносящимися с неба. Бас открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как она падает вниз, в толпу вопящих зеленокожих. Но не видел, как её разрубают на части. Сиррик схватил его за плечо и развернул.

Смотри на площадь, сказал он.

С каменного карниза вокруг купола два мальчика могли видеть всё. Ночь внезапно превратилась в день от больших столбов огня, взметнувшихся вверх. Здания со всех сторон, наполовину разрушенные во время вторжения, сейчас падали, когда массивные артиллерийские снаряды врезались в них, выбрасывая куски цемента и камня большими пылающими облаками.

Бас глядел, широко раскрыв глаза. Снова и снова фугасная смерть, крича, падала с неба.

Орки вооружались и бежали к машинам. Мальчик увидел, что бронированные автозаправщики разлетелась на части, как дешёвые игрушки, когда на землю между ними угодил снаряд. Горящие и кричащие зеленокожие разбежались во все стороны, размахивая руками, когда огонь начал жадно поглощать их плоть.

Свист прекратился, сменившись рёвом турбинных двигателей. Чёрные силуэты стремительно исполосовали небо прямо над головой Баса. Слишком быстрые, чтобы толком рассмотреть, но перестук и вспышки их орудий разворотили площадь, расшвыривая орочки тела, превращая их в ошмётки мяса. Боевые машины зеленокожих стали стрелять в ответ, наполняя воздух залпами снарядов и яркими лазерными лучами. Ракеты кричали и оставляли за собой дымные следы в воздухе, когда чужаки воспользовались пусковыми установками, стоящими на бронетехнике. Одному из чёрных силуэтов в воздухе попали в хвост, и воздушное судно сорвалось в бешеный штопор. Врезалось в старое муниципальное здание метрах в двухстах от Баса и Сиррика. И самолёт, и строение повалились на площадь, подняв облако огня, дыма и разлетающихся осколков.

- Надо идти! - закричал Бас сквозь шум и схватил Сиррика за руку.

Он не стал дожидаться ответа, а потянул Сиррика на доски, соединяющие купол с ближайшей крышей. Они быстро прошли по мосткам - сперва сам мальчик, затем его новообретённый друг. Визг сзади заставил Баса обернуться. Несколько крюконосых забралась по стене изнутри купола. Они заметили мальчиков и пустились в погоню, на бегу стреляя из своих несуразно больших пистолетов.

Как только Сиррик перебрался через первую расщелину, Бас пинком сбросил доски. Затем снова схватил его за руку и побежал.

Противовоздушный огонь наполнил небо, освещая путь по крышам. Призрачные силуэты, атакующие орков сверху, были вынуждены улететь. И считанные мгновения спустя возобновился артобстрел. Бас был уже на середине мостков, когда артиллерийский снаряд угодил в здание, к которому он бежал. Тот пробил крышу и несколько верхних этажей, прежде чем взорваться где-то в глубине. Мальчик с ужасом смотрел, как здание впереди начало разрушаться, превращаться всего лишь в груды ничем не связанных камней. Повернулся и прыгнул к тому краю крыши, где застыл от страха Сиррик, как раз когда доски под ногами рухнули вниз.

Пальцы не достали крыши. Бас почувствовал, как началось головокружительное падение. Но маленькие руки протянулись вперёд, когда он начал падать, вцепились в запястья и подтянули его к зданию. От сильного удара о каменную стену мальчик скрючился, но маленькие руки не отпускали. Бас взглянул вверх и увидел кряхтящего Сиррика с лицом, искажённым болью, перегнувшегося через край, вспотевшего от усилия не дать ему разбиться насмерть.

Бас скрёб ногами в поисках опоры и нашёл небольшой выступ. Выдержать его вес тот не мог, но всё же Сиррику стало полегче.

Можешь залезть наверх?

Мальчик вытянулся и ухватился за крышу. Затем Сиррик потянул вверх, и он подтянулся и перекатился через край. Снова обманув смерть, Бас лежал и пытался отдышаться. Адреналин струился в венах. Над ним склонился Сиррик.

Мы не можем здесь оставаться. Разве нет какого-нибудь другого пути?

Земля дрожала. Новые взрывы сотрясали город, ударяя к северу от них. Времени ждать, когда дрожь утихнет, не было. Как только мальчик перевёл дыхание, то встал на ноги.

- На поверхности зеленокожие будут повсюду, - печально сказал Бас, но, глядя на пустое место, где ещё мгновение назад стояло здание, понимал, что оставаться наверху не менее опасно. К тому же рухнувший дом был единственным, связанным с тем, на котором они сейчас стояли. Похоже, выбора не было. Что ж, если нельзя идти по земле и нельзя идти над землёй....

- Ну, есть ещё один путь, - сказал Бас. - Пойдём.

Дед начал тренировать Баса после того, как шайка Крэвина избила мальчика в четвёртый раз. Тот раз был самым худшим. Один из младших - гадкий парень с крысиным лицом по имени Саркам - по-настоящему пырнул Баса в живот садовым ножом. Пролилось много крови, и из-за этого его перестали бить дальше. Вместо того чтобы как обычно брести, полностью удовлетворённые, Крэвин и его шайка бежали, сознавая, что вышли за грань, и, если их поймают, то будут серьёзные проблемы.

Бас ковылял домой, прижав руки к животу, притягивая взгляды тех, мимо кого проходил. Неопрятная женщина в грязном фартуке выкрикнула: «Мальчик, тебе помочь?»

Бас не обратил на неё внимания и пошёл дальше. Он знал, что Серж будет ждать за столом с разложенной аптечкой. Дед предупреждал, что другие мальчики могут сегодня накинуться. В конце концов, Бас уже оправился с последнего раза.

Но сейчас было иначе, и не только потому, что Бас не плакал.

Что гораздо важнее, он действительно пытался дать сдачи.

Честно говоря, неумелые попытки ответить ударом на удар окончились полным провалом, но застали других мальчишек врасплох. Впервые Бас увидел искорку сомнения в глазах. И понял, что им знаком страх. Они любили причинять боль, но чувствовать её - нет.

Тогда Бас понял, что решение - его дед.

И когда старик зашивал рану в животе, Бас пристально глядел на него.

- Что-то хочешь мне сказать, пацан? - произнёс Серж.

Ответ мальчика вырвался с рычанием, которое удивило даже его самого:

- Я знаю, кто ты. Знаю, что делал, как сражался. Шерридан сказал мне. Он назвал тебя героем Империи!

Внезапно гнев исказил ужасное лицо и Серж рявкнул в ответ: «Ты думаешь, что имперские герои живут так, глупец?» Показал на сырые, в пятнах влаги стены. «Шерридану вообще ничего не следовало говорить. Слышишь?»

- Мне плевать на это, - отрезал Бас. С отказом он не смирится. Только не в этот раз. - Ты можешь научить меня. Помочь мне, сделать меня сильнее. Сделать так, чтобы я мог убить их, если захочу.

Дед встретил его взгляд. Казалось, прошла вечность, но ни один не мигнул и не отвёл взгляд.

- Я могу научить тебя, - сказал наконец старик, торжественно кивая. - Но это будет больше всего, что ты до сих пор испытывал. И, когда начнём, дороги обратно уже не будет, так что лучше будь абсолютно уверен.

- Оно того стоит, - прошипел Бас, - отделать этих ублюдков хотя бы раз.

Дед впился в него глазами. И снова кивнул:

- Мы начнём, как только сможешь, - сказал он Басу.

Так они и сделали.

Началось всё довольно просто. Часами Бас бегал вокруг старого мёртвого дерева на заднем дворе многоквартирки. И постепенно количество приседаний, отжиманий и подтягиваний, которые он мог сделать, стало измеряться уже двузначными числами. Ещё за полтора месяца старик довёл результаты до трёхзначных. Затем начали тренироваться с грузами, какие только могли найти - камни, старые покрышки, мешки с цементом.

Бас научился пользоваться палками, ножами, разбитыми бутылками - всем, что можно использовать как оружие. Он стал сухим и твёрдым, как мясо грокса, которым они питались. Стал быстрее и сильнее, чем когда-либо представлял возможным. И каждая доля этого была заработана потом и кровью - но никогда слезами.

Слёзы были под запретом.

Дед был жестоким, безжалостным учителем. Каждый день был труднее, болезненнее, суровее, чем предыдущий. Но Бас не сдавался, его поддерживала ненависть, бурлящая внутри. Ненависть не только к Крэвину и его школьным хулиганам. Мальчик ненавидел всё несправедливое, что только знал. И даже когда дед превращал его во что-то новое, что-то упорное и независимое, Бас научился ещё более глубокой и сильной ненависти к старику. Его ошибками, со временем случающимися всё реже и реже, Серж пользовался с такой безжалостной жестокостью, что мальчик даже задумался, кто был хуже - Крэвин или его дед.

Вряд ли это имело значение. Бас видел результат. И остальные тоже.

Шли дни, и шайка Крэвина дразнила его всё меньше. Иногда мальчик краем глаза видел, как они нервно поглядывают на него. Бас распознал сомнение, которое видел раньше. Недели с последнего нападения превратились в месяцы. Мальчик задумался, а не сдались ли они вообще.

Потом, незадолго до Дня Императора, Крэвин и его шайка устроили засаду в узком переулке. Набросились на него и затащили туда.

Бас отреагировал мгновенно, не думая, и разбил одному нос вдребезги.

Тот завопил и, прижав руки к покрытому алым лицу, выбыл из драки.

Крэвин что-то крикнул, и вся шайка отпрянула, встав полукругом вокруг мальчика. Бас увидел, что все достают ножи. Но если они думали, что он наложит в штаны, то серьёзно ошиблись.

- Ну давайте! - зашипел на них Бас - Все вы!

И вытащил из-за пояса брюк свой собственный нож.

Серж о нём не знал. Бас не говорил ему, что сейчас ходит с оружием. Однажды утром мальчик нашёл его на ведущей в подвал лестнице - маленький кухонный нож в потёках чьей-то крови. Когда дед был на работе, Бас вымыл и наточил его. И начал носить с собой, чему сейчас был рад. Это был его «уровнитель», хотя шансы были всё же сильно не равны.

Сейчас Крэвин был уже не так самоуверен, но махнул рукой, и остальные бросились вперёд.

Бас прочёл их движения, как учил старик. Ближайший собирался пырнуть его прямо в живот. Бас увернулся. Его рука мелькнула, и сухожилия на запястье нападавшего оказались перерезаны.

Тот упал на колени, сжимая кровоточащую руку, и переулок наполнился криками.

Бас сильно пнул его в лицо и зарычал остальным: «Давайте, ублюдки!» Потом ещё раз пнул раненного.

К такому остальные были вовсе не готовы. И вовсе этого не хотели.

Шайка распалась, мальчики побросали ножи и разбежались из переулка на все четыре стороны. Остался только Крэвин. Он никогда ни от кого не бегал. Если побежит сейчас, то утратит всю свою власть и положение, и он это хорошо понимал. Но в глазах Бас видел: тот, кто так долго внушал ужас, сейчас сам смертельно боялся.

Бас кружил лёгкой походкой, нож поднят, движенья свободны.

- Бас бастард, - сказал он, подражая голосу Крэвина. - Ты понятия не имеешь, насколько был прав, ты, кусок дерьма.

Приблизился, готовясь к молниеносному выпад в лицо другого мальчика. И что-то в Крэвине сломалось. Он бросил нож и попятился к ближайшей стене, подняв руки в отчаянной мольбе.

- Бас, пожалуйста, - молил он. - Это не я. Я никогда этого не хотел. Честно.

Бас придвинулся ближе, готовый взорваться ураганом подлых ударов.

- Он сказал не говорить тебе, - хныкал Крэвин. - Сказал, что честно заплатит, деньгами и палочками

лхо. Клянись тебе!

- Дерьмо гроксячье! - прорычал Бас. - Кто? Кто это был?

Он ни на миг не поверил Крэвину. Тот просто изо всех сил выкручивался, хотел выиграть время, рассказывая небылицы.

- Серж, - задыхаясь, произнёс Крэвин. - Старый Железноног. Он пришёл к нам после того, как мы побили тебя в первый раз. Честно, я думал, что он нас всех поубивает. Но вместо этого твой дед сказал, чтобы мы продолжали тебя доводить, продолжали тебя избивать. Сказал, чтобы мы каждый раз дожидались, пока ты выздоровеешь.

Бас замедлился. Нет. Это не может быть правдой.

Но... не может ли? Был ли старик настолько чокнутым? Зачем ему делать такое?

- Говори, - приказал мальчик Крэвину, понукая того ложным выпадом ножа.

- Ввв... Всё так и было, - заикаясь, произнёс Крэвин. - Два дня назад он нашёл нас и сказал напасть из засады. И на сей раз с ножами. Я сказал, что он свихнулся. Ни за что. Тогда старик устроил цену. У моего бати лёгочная гниль. Он больше не может работать. Мне нужны были деньги, Бас. Я не хотел, но мне пришлось. Но сейчас же всё кончено, лады? Трон Святой, кончено.

Бас подумал мгновение, потом вогнал правый ботинок прямо между ног Крэвина. А когда задира согнулся пополам, Бас от всей души добавил с ноги прямо в челюсть. Кровь и зубы полетели у Крэвина изо рта, и он без сознания рухнул наземь.

Бас убрал свой ножик в ножны на запястье и взглянул на того, кто научил его, что такое страх.

- Да, - сказал мальчик съёжившейся фигуре. - Всё кончено.

Дома он нашёл Сержа на заднем дворе многоквартирки, прислонившегося к старому мёртвому дереву и потягивающему палочку лхо под яркими солнечными лучами.

- На этот раз никакой аптечки? - спросил Бас, остановившись в нескольких метрах от деда.

Серж ухмыльнулся: «Знал, что она тебе не понадобится».

- Ты же заплатил, чтобы они делали это, правда? - спросил мальчик.

Старик выдохнул густое облако жёлтого дыма.

- Ты неплохо поработал, - сказал он внуку. Это было всё, чтоб понять, что это правда.

Бас ничего не сказал. Он просто оцепенел.

- Не вздумай терять от успеха голову, пацан, - пророкотал Серж. - Не упускай из виду главного. Мы с тобой ещё только начали. Ты думаешь, что победил своих демонов, и, может быть, ты и прав - на сейчас. Но в мире есть вещи и пострашнее подростков-хулиганов. Не забывай, что это страх и гнев сделали тебя тем, кто ты сейчас.

Бас всё ещё молчал. Смотрел на грязную землю между ног, чувствуя себя совершенно опустошённым.

Он даже представить не мог, что бывает такая абсолютная пустота.

- Нужно ещё многому научиться, пацан, - сказал дед. - Мы ещё не закончили. Вспомни того пухлого заморыша, которым ты был. Подумай, как ты изменился, чего ты достиг. Что я дал тебе. Тренируйся дальше, пацан. Продолжай учиться. Не вздумай останавливаться. Ты можешь ненавидеть меня, но признай, что я прав. Посмотрим, чего ты сможешь добиться.

Старик сделал паузу и, насупившись, сказал внезапно наполненным ненавистью голосом: «А если хочешь всё бросить, то знаешь, где чёртова дверь. Я не собираюсь делить стол и кров с Императором проклятым слабаком».

Бас взглянул на руки. Они были сжаты в кулаки. Предплечья увиты тугими мускулами. Мальчик хотел наброситься на Сержа, пустить ему кровь, может, даже убить. Но, как бы он не изменился, чему бы ни научился, руки всё ещё оставались руками ребёнка. А самому Басу было семь лет, и больше податься было некуда. Победить других мальчишек - это одно, но старик был прав насчёт более опасных врагов. Мальчик видел больших, широкогрудых мужчин, работающих на рафинадных заводах, которые избивали жён и детей прямо на улицах. Их никто никогда не останавливал. Никто не осмеливался, несмотря на то, какой осадок оставляло отвернуться и просто уйти. Бас всегда хотел быть достаточно большим и сильным, чтобы вмешаться. Детское бессилие просто бесило мальчика. Но всё же больше, чем любые грёзы о насаждении справедливости, Бас ценил то предназначение и смысл, которые тренировки приносили в его жизнь. Новообретённая сила, скорость и умения выжгли тот удушливый саван страха, в котором мальчик столько прожил. Каждый приём, выученный Басом, давал ему свежую уверенность, которой из-за прежней слабости быть не могло. Он сознавал это, понимал, что нужно расти и развиваться, взять всё, что мог предложить дед - и больше. Нет. Это было не просто нужно. Бас хотел этого. Здесь и сейчас это было всё, чего он хотел.

И больше ничего.

Мальчик пылающими холодным огнём глазами уставился на старика.

- Ладно, - выплюнул он. - Покажи мне. Научи. Я хочу знать всё.

Ухмылка исказила покрытое шрамами лицо Сержа.

- Ладно, - сказал он. - Хорошо.

Выплюнул палочку лху в грязь у корней дерева.

- Иди согрейся и переоденься. Сегодня поработаем над поражением нервных узлов.

Два с половиной года спустя слегка подросший и окрепший Бас - уже десятилетка - в тени того же самого дерева отрабатывал серию упражнений с двумя ножами, а дед командовал с деревянной скамейки справа.

Солнце было высоко и палило всюду, согревая пыльную землю под ногами мальчика.

- Лучше работай левым клинком! - рявкнул Серж. - Следи за синхронностью. Не доводи до того, чтоб я встал!

Глубокое урчание, ритмичное и гортанное, раздалось над крышами. Оно должно было что-то значить

для старика, потому что Серж встал навтыжку и уставился в лазурное небо – мышцы напряжены, вены пульсируют на шее.

Бас, удивлённый тем, что дед так сильно отреагировал, остановился на полувзмахе и проследил за его взглядом.

Семь чёрных силуэтов пролетели прямо над головой.

- Бомбардировщики «Мародёр», – произнёс старик. – И сопровождение из «Молний» с Красных Песков. Что-то не так.

Несмотря на то, что летательные аппараты были высоко, от шума их двигателей дрожал воздух. Бас раньше таких самолётов не видел. Они были похожи на огромных хищных птиц. И как только эти исчезли за крышами вдалеке, то появилась ещё одна такая же группа, потом ещё и ещё.

Старик выругался.

- Это было всего лишь вопросом времени, – сказал он сам себе. – Рано или поздно на эту планету всё равно бы напали.

Хромая и скрипя железной ногой, направился к задней двери. Но на полдороге остановился и обернулся к Басу.

- Они придут за мной, – сказал дед, и было в него в глазах что-то, что мальчик раньше никогда не видел. Это было самым близким к нежности, на что сподобился старик, хотя всё равно весьма отдалённым.

- Всегда сперва приходят за ветеранами, – продолжил он. – Никто по-настоящему не уходит из Гвардии. Я сделал для тебя всё что мог, пацан. Ты ненавидишь меня, и на то есть причины, но я сделал то, что должен был. Империиум – не то, что ты думаешь. Клянусь Троном, я сам видел это. Миллиард ужасов, и все хотят уничтожить нас или поработить. И похоже, что сейчас они здесь. Выживает только сильнейший, пацан. И ты моя родня, заметь. Моя последняя живая родня! Я изо всех сил старался сделать так, чтобы ты точно выжил.

Остановился и глянул на небо, где летели ещё бомбардировщики.

- Пойдём, – сказал он Басу. – Я кое-что хочу дать тебе, прежде чем уйду. И в будущем, что бы ни случилось, пусть это служит тебе верой и правдой.

Они вошли внутрь.

Как и предсказывал старик, через несколько дней Империиум позвал – и он ответил на зов.

Это был последний раз, когда Бас видел деда.

От обстрела с небес на улицах появились огромные воронки. Мальчики, пробираясь сквозь удушливые клубы дыма и пыли по грудам пылающих обломков, искали вход в канализацию. Большинство проходов было забито щебнем и трупами чужаков, но Бас быстро нашёл один, через который можно было попасть в тёмные круглые туннели, пронизавшие основание городка. Мальчик в основном избегал их, когда был один. Когда он спускался вниз в поисках воды, которую можно налить в бутылки и взять с собой, то наткнулся на стаи рыщущих в мусоре крюконосых. И каждый раз еле уходил живым.

Похоже, что сейчас этих отвратительных существ здесь не было. В крошечной тьме Бас и Сиррик крепко взялись за руки, используя свободные руки чтобы нащупывать стены туннеля. Они ни черта не видели. Бас понятия не имел, как и когда они найдут выход, но не мог позволить этому остановить себя. Потолок туннеля содрогался от движения боевых машин и взрывов снарядов. Если он и Сиррик хотят пережить дорогу к одному из его укрытий, то должны пробраться: здесь, внизу, в темноте.

Когда они двигались, то Бас остро чувствовал, насколько ему удобно и приятно держать Сиррика за руку. И задумался, делает ли это его слабым. Дед использовал это слово как ругательство, как будто слабость это самое худшее во вселенной. Возможно, так оно и есть. Бас не продержался бы столько, будь он слаб. Мальчик знал это точно. Но не был уверен, что желать компании себе подобных – слабость. От одного только присутствия Сиррика Бас чувствовал себя сильнее. Тело меньше болело. Бывший пленник следовал за ним, зависел от него. Это было то предназначение, которого мальчику так отчаянно не хватало. В одиночку его выживание было всего лишь ожиданием того, что он найдёт, ради чего жить и сражаться. Сейчас Бас это нашёл: кого-то, с кем разделит темноту, кто прикроет ему спину. Он вытащил Сиррика, как и собирался. Несмотря на смерть всех остальных, это всё ещё ощущалось как величайшая победа его короткой жизни, даже лучше, чем победа над Крэвином.

Крэвин!

Бас уже давно не вспоминал бывшего хулигана. Как тот умер, когда пришли орки? Разрубили ли его на куски, как Клейна и пленников? Застрелили ли? Съели?

И, когда Бас задумался над этим, то увидел свет впереди.

- Туда, - прошептал он, и вместе с Сирриком направились к далёкому мерцанию.

Это оказалась луна, которая светила через дыру в потолке туннеля. Взрыв снаряда обрушил рокритовую дорогу, создав крутой подъём. Мальчики ждали и слушали, пока Бас не решил, что боевые кличи чужаков и выстрелы звучат достаточно далеко, чтобы рискнуть снова выбраться на поверхность. Они с Сирриком вскарабкались по склону и встали на улице, окутанной густым серым дымом.

Куда теперь? Спросил Сиррик.

Бас не был уверен. Где-то рядом у него было укрытие, но в дыму было не разглядеть ориентиров. Потому самым предусмотрительным казалось идти подальше от шума битвы.

- Сюда, - сказал мальчик, - по крайней мере, пока. Но, как только они зашагали, спереди раздался хриплый крик.

- Контакт впереди!

Пелену дыма внезапно пронзила дюжина ослепительных лучей толщиной с карандаш, нацеленных прямо на мальчиков.

- Ложись! - крикнул Бас.

Он и Сиррик рухнули на землю и оставались там, пока лазерные лучи резали воздух прямо над их головами. Обстрел длился секунду, пока другой голос, резкий и явно привыкший командовать, не крикнул: «Прекратить огонь!»

От этого голоса Бас задрожал. Он был настолько похож на голос Сержа. Мог ли это быть старик? Выжил ли он? Вернулся ли за своим внуком, несмотря на прошедшее время?

Призрачные силуэты появились из дыма. Человеческие силуэты.

Бас в волнении встал на колени. Он всё ещё держал ладонь Сиррика в своей. Взглянул вниз и потянул мальчика за руку: «Это люди!»

Но Сиррик не двигался.

Бас потянул снова: «Сиррик, вставай. Ну давай же».

И потом увидел. Из Сиррика на дорогу текла густая жидкость. Артериальная кровь.

Мальчик почувствовал, как по венам пробирается холодная паника, опутывая его, сворачиваясь клубком внутри. Живот свело. Бас сжал руку Сиррика, но та была мягкой. В хватке мальчика не осталось силы. Не было и успокаивающего голоса в голове Баса. Только пустота, зияющая дыра там, где ещё секунду назад была радость от встречи друга.

Бас застыл. Разум отказывался принять то, что говорили чувства.

Ботинки приблизились и остановились за метр.

- Дети! - проревел мужской голос. - Два мальчика. Похоже, в одного мы попали.

Чёрный ботинок поддел Сиррика за левое плечо и перевернул его спину.

Бас увидел, как его чёрные безжизненные глаза смотрят в небо, вызывающий блеск погас навсегда.

- Да, - продолжил грубый голос. - Точно, в одного попали. Насмерть. - Должно быть, пехотинец увидел татуировку на лбу Сиррика, потому что добавил, - Хотя он всё равно был колдуном, - и фыркнул, как будто в этом было что-то смешное.

Бас вскочил. И, прежде чем даже понял, что сделал, дедовский нож торчал из живота стоящего над ним солдата.

- Ты убил его, - кричал он в изумлённое лицо мужчины. - Он был моим, ублюдок! Он был моим другом и ты убил его!

Мальчик выдернул нож и хотел ударить снова, когда что-то ударило его сбоку по голове. Он увидел, как звёзды завертелись над головой, и рухнул, приземлившись прямо на остывающее тело Сиррика.

- Маленький ублюдок пырнул меня! - прорычал раненный, падая на задницу, руками плотно сжимая рану, чтобы остановить поток крови.

- Медика сюда, - снова сказал привыкший командовать голос. - Человек ранен.

В ярком лунном свете появилась тень и упала на Баса, и мальчик взглянул вверх, прямо в мерцающие чёрные глаза.

- А ты крутой, правда? - сказала фигура.

Бас упал духом. Это был не дед. Конечно, не он. Серж точно был мёртв. Мальчик никогда по-настоящему не верил, что тот может быть жив. Но этот мужчина был сделан из той же стали. У него был тот же самый характер - такой же жёсткий, такой же холодный. Бритвенно-острый, как живой клинок. Одет был в чёрную шинель и островерхую фуражку, и на этой фуражке мерцал золотой череп с орлиными крыльями. Рука в перчатке протянулась к Басу.

Мальчик посмотрел на неё.

- Встать, - приказал человек.

Бас понял, что автоматически подчинился. Рука была сильной. Как только он за неё взялся, она поставила его на ноги. Мужчина взглянул на мальчика и втянул носом воздух.

- Орочье дерьмо, - сказал он. - Да ты такой же умный, как и крутой.

Другие люди, в боевых шлемах и панцирной броне, подошли и встали позади высокого мужчины в шинели. Они смотрели на Баса со смесью гнева, изумления и любопытства. Их раненым товарищем уже занимался другой солдат, с белой полевой аптечкой.

- Джентльмены, - сказал высокий. - Как бы это ни было удивительно, у нас здесь выживший. И, ребёнок или нет, мне нужно его опросить. Вы же, в свою очередь, продвигайтесь в город по плану. Сержант Хельмунд, связь по каналу шесть. Я хочу регулярных уточнений.

- Они у вас будут, комиссар, - проворчал особенно широкоплечий пехотинец.

Бас не знал, кто такой комиссар, но догадывался, что это военное звание. Солдаты разошлись, оставив его и высокого мужчину возле тела Сиррика.

- Прискорбно, - сказал комиссар, указывая на тело мёртвого мальчика. - Псайкер или нет. Вас здесь было всего лишь двое? Больше никто не выжил?

Бас не знал, кто такой псайкер. И ничего не сказал. Мужчина воспринял молчание как подтверждение.

- Как тебя зовут?

Мальчик понял, что ему трудно говорить. От борьбы с печалью горло так сильно болело. Напрягшись, он умудрился каркнуть: «Бас».

Комиссар поднял брови, не уверенный, что расслышал правильно: «Бас?»

- Сокращенно от Себастьяна... сэр, - добавил Бас. И почти произнёс фамилию отца - Ваарден, но что-то его остановило. Мальчик посмотрел на окровавленный нож в правой руке. Нож своего деда. Имя старика было кислотой выжжено на клинке, и сейчас Бас знал, что это было правильно. Это чувствовалось правильно. Серж сделал мальчика всем, что он есть, и Бас будет нести это имя до конца своих дней.

- Себастьян Яррик, - сказал он.

Комиссар кивнул.

- Что ж, Яррик. Вернём тебя на базу. Нам с тобой ещё многое нужно сделать.

Он повернулся и, стуча ботинками по мостовой, зашагал назад, откуда пришёл, зная, что мальчик последует за ним. В другом направлении звуки возобновившейся битвы отражались от стен тёмных домов.

Бас убрал нож, склонился над Сирриком и закрыл его глаза.

И прошептал обещание ему в ухо - обещание, которое будет стараться сдержать всю свою жизнь.

Затем торжественно встал и пошёл за комиссаром, делая первые шаги на пути, который однажды станет легендой.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Выживающий_-_Survivor_\(рассказ\)&oldid=12019](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Выживающий_-_Survivor_(рассказ)&oldid=12019)

Эта страница в последний раз была отредактирована 23 марта 2020 в 21:20.